II. Откровенія, данныя собственно для Іудеевъ.

Эти откровенія у Пророка слѣдуютъ одно за другимъ также въ хронологическомъ порядкѣ. И нѣтъ нужды и повода измѣнять этотъ порядокъ въ обозрѣніи пророчествъ. Напротивъ, такъ какъ предметъ сихъ пророчествъ во всѣхъ одинъ: то измѣнивъ порядокъ при обозрѣніи, мы не поймемъ, почему на одинъ и тотъ же предметъ дано нѣсколько откровеній, какая существенная между ними разность и отъ чего не иначе, какъ всѣ они въ совокупности и цѣлости своей, могли удовлетворить потребностямъ Израиля (или вообще церкви Вселенской; ибо Израиль былъ ея представитель). Только пророчество о *седминахъ*, по рѣзкой его своеобразности, отличной отъ другихъ пророчествъ Даніиловыхъ, взаимно сходныхъ (параллельныхъ), обозримъ уже послѣ очерка другихъ пророческихъ откровеній, между собою сходныхъ. Первое такое откровеніе содержится въ VII главѣ. Обратимъ вниманіе на время и обстоятельства этого откровенія, раскроемъ общее его значеніе и уяснимъ частности въ немъ, какія потребуютъ уясненія.

Время, когда дано было это откровеніе, было первое лѣто царя Валтасарова. Это былъ уже послѣдній царь Вавилонской деспотіи, и царь, какъ мы

уже знаемъ, такой, въ которомъ духъ времени нашелъ самый удобный и готовый для своей растлѣнности и пагубы сосудъ. Въ обстоятельствахъ и дѣлахъ Навуходоносора Господь далъ міру и церкви предощутить грядущее время спасающей всѣхъ благодати. Сынъ и преемникъ его Евельмеродихъ, видно, слѣдовалъ урокамъ Божественнымъ, даннымъ при его отцѣ: онъ вывелъ плѣннаго Іудейскаго царя изъ темницы, далъ ему приличное содержаніе, и поставилъ престолъ его выше престоловъ другихъ царей, себѣ подвластныхъ. И вотъ затѣмъ, послѣ нѣкотораго смутнаго времени, является на престолѣ развратный и нечестивый юноша, дерзкій хулитель Божества; эти свойства, проявившіяся въ Валтасарѣ вполнѣ, при самомъ концѣ его царства и жизни, конечно еще прежде были укоренены въ немъ и были примѣтны другимъ, особенно Пророку. И такъ надъ церковію, которой положеніе было уже затруднительно и тяжко по самому плѣну, послѣ проблесковъ Божественнаго свѣта на весь міръ снова сталъ сгущаться мракъ.... Употребимъ другое, болѣе близкое къ настоящему пророчественному откровенію, сравненіе предъ ковчегомъ церкви, узрѣвшей было нѣкоторую пристань, открывалось опять великое волнующееся море, грозящее еще большими, противъ прежняго, бѣдами.... И чрезъ Пророка, который, конечно, первый входилъ въ этотъ современный мракъ, первый примѣтилъ это море и вѣрою уже напрягался къ Спасительному Небесному свѣту. Господь и поспѣшаетъ, такъ сказать, къ своей церкви съ своимъ свѣтомъ и руководствомъ.

Въ первое лѣто Валтасара, царя Халдейска, Даніилъ сонъ видѣ: и видѣніе главы его на ложи его, и сонъ свой вписа (см. VII гл.).

Самое откровеніе раздѣляется на двѣ части—видѣніе и истолкованіе видѣнія. Такъ Пророкъ созерцаетъ, во первыхъ самое настоящее положеніе церкви, о которомъ свойственно было ему заботливо мыслить и которое, во всей поразительности и точности *истины*, явлено ему Духомъ Святымъ: *Азъ Даніилъ видѣхъ въ видѣніи моемъ нощію и се четыре вѣтри небесніи налегоша на море великое.* Изъ этого моря исходятъ одинъ за другимъ четыре великіе звѣря, различные одинъ отъ другаго (ст. 3). Первый звѣрь подобенъ видомъ льву, но былъ съ крыльями орлиными; по исторженіи его крыльевъ онъ всталъ прямо, какъ человѣкъ, и сталъ разумѣть также, какъ человѣкъ (4). Второй звѣрь былъ подобенъ медвѣдю съ тремя клыками во рту, и ему предоставлено пожирать *плоти многи* (5). Затѣмъ третій звѣрь, подобный барсу, только съ четырьмя крыльями; это звѣрь властительный (6). Потомъ выходилъ четвертый, съ желѣзными зубами, *ядый и истончевая, останки же ногами своими попираше* (ст. 7); этотъ звѣрь съ 10-ю рогами, среди которыхъ появляется еще иной рогъ, сначала малый, потомъ усиливающійся и сокрушающій заразъ три предшествующіе ему рога; этотъ рогъ съ человѣческими глазами, съ горделивыми и хульными устами (ст 8). Между тѣмъ какъ этотъ рогъ богохульствовалъ (ст. 11), открывается страшное судилище: на престолѣ пламенно-образномъ возсѣдаетъ

Ветхій деньми, предъ Нимъ огненная рѣка, тысячи тысячъ и тьмы темъ предстоятъ и служатъ Ему; раскрываются книги (ст. 9, 10).... Хульной рогъ убитъ и поверженъ въ огненную рѣку, прочіе звѣри лишены своего значенія и силы, но не преданы грозящей въ пламенной рѣкѣ смерти (11, 12). Тутъ же, *на облацѣхъ небесныхъ яко Сынъ человѣчь идый бяше, и даже до Ветхаго деньми дойде и предъ Него приведеся: и тому дадеся власть и честь и царство и вси людіе, племена и языцы Тому поработаютъ: власть его власть вѣчная, яже не прейдетъ, и царство Его не разсыплется* (ст. 13, 14). Это видѣніе!

Вострепета духъ мой въ состояніи моемъ, говоритъ о себѣ Пророкъ *и видѣнія главы моея смущяху мя. И пріидохъ къ единому отъ стоящихъ*, т. е. предъ престоломъ, *и извѣстія просихъ отъ него научитися о всѣхъ сихъ: и повѣда ми извѣстіе, и сказаніе словесъ возвѣстими* (15, 16). Это обстоятельство показываетъ, что видѣніе было, какъ и Навуходоносорово видѣніе посѣкаемаго дерева, отчасти символическое, отчасти прямое и собственное. Ибо Пророка вразумляетъ одинъ изъ предстоящихъ служителей Ветхаго деньми, какъ лице дѣйствительное, вѣдающее тайны. Слѣдовательно, это не символъ. Отсюда выходитъ, что и все это явленіе судилища и служащихъ предъ Ветхимъ деньми, есть собственное, хотя и человѣко-образное. Ниже, въ своемъ мѣстѣ, разсмотримъ это явленіе до подробностей. А теперь скажемъ только *вообще*, что Ветхій день-

ми, являющійся вседержавнымъ Владыкою міра по Даніилову видѣнію, очевидно есть Богъ, а потому и непосредственные его служители, очевидно суть святые Ангелы.

Въ истолкованіи видѣнія однимъ изъ непосредственныхъ служителей Ветхаго деньми, или однимъ изъ святыхъ Ангеловъ, сначала раскрывается значеніе всего цѣлаго, потомъ въ особенности изъясняется значеніе послѣдняго звѣря и хульнаго рога.

Въ видѣніи представлены, по ангельскому истолкованію, четыре царства (ст. 17), послѣ которыхъ откроется царство Святыхъ Божіихъ, царство вѣчное (ст. 18). Четвертый звѣрь, о которомъ Пророкъ особенно распрашивалъ открывающаго ему тайны, своею лютостію знаменуетъ чрезвычайную жестокость и всегубительность четвертаго царства (ст. 23); десять роговъ этого звѣря—указываютъ на десять царей, послѣдній хульный рогъ, сокрушающій три предшествующіе ему рога, означаетъ послѣдняго въ семъ царствѣ царя, имѣющаго низложить троихъ предшественниковъ, — царя Богохульнаго, гонителя Святыхъ, грозящаго разрушить все церковное устройство, и которому попущено злодѣйствовать на нѣкоторое время (24, 25). Но за его гибелью и откроется царство вѣчное, все покаряющее и низлагающее (26, 27). Таково настоящее откровеніе! Вникая въ него не можемъ не признать, что и точка зрѣнія, и образъ представленія, и самое содержаніе въ семъ пророчественномъ откровеніи одинаковы съ выше изъясненнымъ нами откровеніемъ символическаго тѣла. Представляются

символическіе звѣри, указываются четыре царства по отношенію къ царству Божественному и вѣчному, и притомъ по отношенію не времени только, но особенно враждебно несовмѣстности своей съ этимъ царствомъ Святыхъ и низложенія отъ него; послѣдній же царь четвертаго царства прямо представленъ упорнѣйшимъ и жесточайшимъ преслѣдователемъ Святыхъ, которые въ семъ же откровеніи являются членами или наслѣдниками грядущаго царства (ст. 18, 24). Въ такомъ же отношеніи враждебномъ Божію Царству и сокрушеніи отъ него взяты четыре царства въ прежнемъ откровеніи. Слѣд. точка зрѣнія одна въ обоихъ откровеніяхъ! Равно въ томъ и другомъ четыре царства представляются низложенными всѣ вдругъ, и даже четвертое царство и здѣсь, какъ въ прежнемъ откровеніи, созерцается низложеннымъ прежде предшествующихъ ему трехъ царствъ (ст. 11, 12). Образъ представленія одинъ и тотъ же. Слѣдовательно, и изъясненіе его одно и тоже и здѣсь, какъ въ прежнемъ откровеніи: такъ представляется низложеніе враждебныхъ царствъ не потому, чтобы они въ самомъ дѣлѣ были поражены всѣ вдругъ отъ царства Святыхъ, или даже послѣдній царь четвертаго низложенъ прежде всѣхъ, но потому, что они всѣ должны быть низложены силою грядущаго за ними царства Святыхъ царствъ Сына человѣческаго, до Ветхаго деньми; а четвертое царство, и притомъ, въ послѣднемъ лютомъ своемъ царѣ, изображается падшимъ прежде другихъ, какъ ближайшее по вре-

мени къ низлагающему ихъ царству Святыхъ. Наконецъ и содержаніе въ главныхъ и существенныхъ чертахъ одинаково: въ обоихъ откровеніяхъ слѣдуютъ одно за другимъ именно четыре царства и притомъ *постепенно одно предъ другимъ унижаясь* въ своемъ достоинствѣ и характерѣ: золото, сребро, мѣдь, желѣзо; левъ, медвѣдь, рысь, еще какой-то страшный звѣрь. Третій символическій звѣрь здѣсь является съ особеннымъ выраженіемъ властительства; подобно какъ третье царство, по прежнему откровенію, *сообдлиитъ всей земли*. Четвертое царство, по прежнему откровенію, характера желѣзнаго,—все сокрушаетъ и истончеваетъ подобно желѣзу; такъ и здѣсь четвертый символическій звѣрь *ужасенъ, зубы его желѣзніи веліи, ядыи и истончевая* и пр. При разсмотрѣніи прежняго пророчества мы замѣчали и то, что тамъ въ особенномъ вниманіи имѣются *персты ножніи*, которыхъ естественно десять; символическая часть четвертаго царства, подобно какъ здѣсь въ четвертомъ звѣрѣ имѣются въ особенномъ вниманіи десять роговъ, символы десяти царей. Конецъ и существенный предметъ проророчества, въ томъ и другомъ, открытіе царства Божественнаго, вѣчнаго.

Такимъ образомъ во всѣхъ существенныхъ отношеніяхъ настоящее пророчество подобно (параллельно) прежнему. Слѣд. общій смыслъ настоящаго пророчества есть одинъ и тотъ же съ прежнимъ пророчествомъ: должны слѣдовать одно за другимъ четыре неблагопріятныя Царству Божію владыче-

ства: это Вавилонское (*), *Персидское* (**), *Греческое Александрово* (***) и *Сиро-египетское* (****) владычества; они будутъ одно за другимъ низлагаемы силою грядущаго за ними Божія Царства, сущаго не отъ міра сего и побѣдоноснаго надъ всѣми мірскими Боговраждебными царствами (*****) (ст. 24), предъ которымъ, слѣдовательно, четыре враждебныя ему и разрушаемыя отъ него царства, взяты здѣсь какъ *представители вообще всѣхъ* Боговраждебныхъ мірскихъ, низлагаемыхъ отъ него, царствъ (******).

Раскрывъ общее значеніе настоящаго откровенія, изъ этого общаго значенія уже безъ большаго затрудненія можемъ уяснять и опредѣлять всѣ частности, которыя составляютъ особенность сего откровенія, соотвѣтственную обстоятельствамъ его

(*) Прямо указанное въ прежнемъ откровеніи.

(**) Указанное въ откровеніи 8-й главы, параллельномъ (какъ уже знаемъ) отъровенію 2-й главы, а слѣд. и настоящему.

(***) Указано въ пророчествѣ 8-й главы, также въ XI гл., гдѣ во всей обстоятельности (какъ знаемъ) раскрываются пророчества 2-й главы; а слѣд. и настоящее.

(****) Указано въ XI гл. Поэтому же при изслѣдованіи пророчества 2 й главы о 4-мъ царствѣ мы ссылались на настоящую 7-ю главу, то, чтобы не было *круга* въ доказательствахъ о четвертомъ царствѣ, по настоящему пророчеству, мы сдѣлаемъ особое изслѣдованіе на своемъ мѣстѣ.

(*****) Это въ настоящемъ пророчествѣ еще поясняется точнѣе и прямѣе.

(******) Иначе была бы несообразность въ томъ, чтобы указать на побѣду сего царства только надъ 4-мя царствами и однако, вслѣдствіе того, представлять его побѣдоноснымъ надъ всѣми мірскими царствами.

происхожденія. Особенность настоящаго откровенія, при сличеніи его съ предыдущимъ, та, что какъ о земныхъ четырехъ царствахъ сказано здѣсь много обстоятельнѣе и подробнѣе, такъ и грядущее за ними Царство Божіе раскрыто во всемъ свѣтѣ своей вышемірной области и во всей глубинѣ своихъ основаній.

Въ отношеніи къ земнымъ четыремъ царствамъ замѣчательна самая среда, изъ которой они появляются: *и се четыре вѣтри небесніи налегоша на море великое.* Судя по обстоятельствамъ, вызвавшимъ, такъ сказать, это откровеніе, и по изникновенію изъ моря символически-представленныхъ царствъ, можно понять, что это великое, волнующееся море, есть непостоянный и мятущійся земной міръ, міръ явленій, одно за другимъ возникающихъ и одно другимъ поглощающихся подобно воинамъ, и въ особенности человѣческихъ дѣлъ и приключеній, по видимому управляемыхъ вѣтрами случайности, страстей и произвола, — словомъ — весь настоящій привременный и текучій порядокъ вещей, взятый самъ по себѣ. Ибо дѣйствительно, изъ него пораждаются, и чрезъ него усиливаются и ослабѣваютъ всѣ царства земныя, разсматриваемыя сами по себѣ. Блаженный Ѳеодоритъ говоритъ: «Даніилъ видитъ море, чѣмъ давалось ему знать о волнахъ настоящей жизни. И поелику онъ, какъ плѣнникъ, принужденъ былъ находиться на чужой странѣ, то благопотребно и вразумляется онъ касательно бурь и треволненій жизни.» Другой же древній учитель (Евдоксій) разсматриваетъ это явленіе моря еще

ближе къ обстоятельствамъ Даніила при Валтасарѣ: «когда царь (то есть Валтасаръ) смотритъ на настоящій порядокъ вещей, то видитъ землю и дерева земныя, и все убѣгающее видитъ твердо стоящимъ: ибо быстрое прехожденіе бѣгущаго неразумному представляется единымъ твердымъ, а мудрому оно представляется колеблемымъ и волнуемымъ, почему онъ и видитъ не землю, а *море.*»

Четыре вѣтри небесніи: нѣкоторымъ изъ древнихъ толкователей (Полихронію) видится здѣсь указаніе на четырехъ духовъ, вождей четырехъ земныхъ царствъ, представляемыхъ въ видѣніи. Другіе же ближе къ знаменованію моря, изъясняютъ четыре вѣтра о четырехъ предѣлахъ міра (съ запада, сѣвера и пр.). Эта мысль принадлежитъ св. Ипполиту, который говоритъ: «Это означаетъ четыре-сторонню вселенную.» Нѣкоторые же, и именно Блаженный Θеодоритъ, находятъ въ четырехъ вѣтрахъ, волнующихъ море, указаніе на самое непостоянство вещей въ мірѣ: «Моремъ называетъ онъ (Пророкъ) жизнь, подверженную тысячамъ треволненій, а вѣтрами, на него напирающими, непостоянство вещей.» Толкованіе совершенно сообразное съ значеніемъ волнующагося моря. Число—*четыре*—по отношенію къ вѣтрамъ, изъ которыхъ каждый долженъ идти непремѣнно или съ той или съ другой стороны четырех-сторонняго свѣта, можетъ быть указаніемъ вообще на всякій родъ измѣненій въ мірѣ; если же брать это число въ опредѣленномъ смыслѣ, то оно, конечно, указываетъ на четыре великія измѣненія въ мірѣ, съ какими долж-

ны были появляться четыре царства, изображаемыя здѣсь. Послѣднѣе изъясненіе принадлежитъ Блаженному Θеодориту.

И четыре звѣри велицыи исхождаху изъ моря...первый, аки львица (или левъ), *имущь криль, криль же его аки орли; зряхъ, дондеже исторжена была крила его; и воздвижеся отъ земли и на ногу человѣку ста и сердце человѣче дадеся ему* (ст. 3 и 4.). Изображеніе царства Вавилонскаго (*) подъ символомъ царственнаго звѣря—льва—съ крылами царственной птицы—орла—очевидно соотвѣтствуетъ прежнему изображенію его въ символѣ—золотой главы. И слѣдовательно, оно означаетъ, по изъясненію послѣдняго символа самимъ Пророкомъ, вообще характеръ его деспотіи,—чрезвычайную ея обширность и неограниченность. Отсюда можно уже и частнѣе опредѣлять настоящій символъ: львиный видъ даетъ мысль о властительномъ произволѣ и силѣ деспота, пренебрегающаго человѣчествомъ и чрезъ это упадающаго до звѣрства, а орлиныя крылья—о горделивомъ, непризнающемъ ничего выше себя паренiи Вавилонскаго царя, недостойномъ же человѣчества. Но въ разсужденіи того, что означается исторженіемъ крыльевъ изъ этого звѣря и преображеніемъ его по виду и по чувству сердца въ человѣка, толкователи разногласятъ между собою. Одни, какъ Θеодоритъ, Евдоксій, видятъ здѣсь символъ паденія династіи,

(*) Что оно здѣсь разумѣется, это уже выяснено у насъ.

и вразумленіе чрезъ это въ томъ, что она напрасно усвояла себѣ свыше-человѣческое достоинство. Но странно было бы, символъ взятый съ вида и разумности человѣка, изъяснять объ униженіи и паденіи царственнаго величія, тогда какъ самое ея величіе изображается видомъ безсловесныхъ—льва и крылами орла. Другое толкованіе предлагаетъ св. Ипполитъ. «Это случилось, говоритъ онъ на это мѣсто, съ Навуходоносоромъ, —случилось такъ, какъ выше показано въ книгѣ. И именно она свидѣтельствуетъ о такихъ приключеніяхъ Навуходоносора, что онъ *отпался* съ царства (извѣстною съ нимъ перемѣною) и у него отъята была та слава и величіе, которыя онъ прежде стяжалъ.—И потомъ: на *ногу человѣку ста, и сердце человѣчіе дадеся ему*,-это значитъ, что Навуходоносоръ смирился и призналъ себя человѣкомъ, подлежащимъ власти Божіей, прибѣгнулъ къ Господу получилъ отъ Него милость и опять возстановленъ въ свою славу и величіе» (*). Это толкованіе совершенно сообразно и съ символомъ и съ событіями царства Вавилонскаго и съ подобными мѣстами (параллелизмомъ) и съ обстоятельствами происхожденія сего пророчественнаго откровенія. По значенію орлиныхъ крыльевъ и львинаго вида, какъ символовъ неограниченнаго въ самовластіи произвола и горделиваго духа деспота,—отъятіе этихъ крыльевъ и измѣненіе львинаго вида на человѣческій, даютъ прямую мысль

(*) Приводимыя здѣсь святоотеческія мѣста взяты изъ вышеупомянутой книги Maji Scriptorum veterum nova collectio.

объ измѣненіи характера Вавилонской династіи, объ ограниченіи деспотическаго произвола человѣколюбивою разумностію, о смиреніи горделиваго духа истиннымъ самопознаніемъ.—Обстоятельствами Навуходоносора, какъ мы видѣли, совершенно преобразовался характеръ его деспотіи и получилъ значеніе истинно-человѣческое и разумное; тотъ же характеръ отчасти продолжался и при сынѣ его Евильмеродахѣ.

Въ предыдущемъ подобномъ (параллельномъ) откровеніи о царствахъ, Вавилонское царство также представляемо было въ лицѣ Навуходоносора, этомъ великомъ представителѣ и вождѣ Вавилонской, почти всемірной, монархіи: *глава злата ты еси царю.* Пророку, при нечестивомъ Валтасарѣ, было свойственно обращаться мыслію къ великому благодатному озаренію, открывшемуся при Навуходоносорѣ надъ языками и давшему было иной свѣтлый видъ Вавилонской деспотіи;—а потому и дано было ему отрадное созерцаніе этого преобразованія, при Валтасарѣ уже со всѣмъ изглажденнаго. И чрезъ это тѣмъ разительнѣе являлось настоящее упорное противленіе Вавилонскаго царства Божію Царству, простиравшему и на него спасительное свое вліяніе,—и тѣмъ ближе должно было угрожать ему низложеніе отъ Божія Царства (*). И такъ, между цар-

(*) Есть еще третіе толкованіе символическихъ чертъ перваго, т е. Вавилонскаго царства: „Халдеи, первоначально жившіе въ Сѣверной Азіи, были (говорятъ) народъ кочующій, звѣрскій, и—это будто значитъ имѣть видъ льва съ крыльями орла, потомъ

ствами, враждебными царству Святыхъ и долженствующими пасть предъ его побѣдоносною силою, Пророку указывается первое—царство Вавилонское, поражающее своимъ царственнымъ деспотическимъ величіемъ и, по вліянію и дѣйствію царя святыхъ возведенное—было къ значенію разумному, къ озаренію спасительною истиною и грядущею благодатію. И такое царство стало теперь рѣшительно на сторонѣ враждебной царству Святыхъ, не совмѣстной съ послѣднимъ, и слѣдовательно близко къ своей отъ него гибели. Такой смыслъ видѣнія касательно перваго звѣря—льва или львицы!

И се звѣрь второй подобенъ медвѣдицѣ (медвѣдю), и на странѣ единой ста и три ребра во устѣхъ его среди зубовъ его, и сицъ глаголаху ему: востани, яждь плоти многи (ст. 5). Таковы символическія черты втораго или, какъ уже намъ извѣстно, Мидо-Персидскаго царства! Символъ *медвѣдя*, соотвѣтственно значенію символа предыдущаго царства, долженъ выражать характеръ и духъ Персидскаго царства. Характеристическія чер-

---

Ассирійскіе цари, употребляя ихъ въ своемъ войскѣ, пріучили къ людскости, и дали имъ земли,—и это значитъ стать на землѣ двумя ногами и получить человѣческій смыслъ. „Толкованіе произвольное, и притомъ такое, будто въ семъ откровеніи имѣются въ виду не болѣе, какъ мірское, внѣшне-политическое значеніе и судьба царствъ; притомъ еще, кочующіе Халден и царства не составляли. По такому взгляду на символъ перваго царства, въ символѣ напр. 3-го или Греческаго царства слѣдовало бы взять живое уже выше-человѣческое существо: ибо что Вавилонская людскость предъ Эллинскою?!

ты этого звѣря—грубая тяжелая сила и обжорливость (замѣчаютъ въ немъ и свойства утонченной чувственности, какъ-то: есть въ немъ чувство стройности звуковъ и пр.)... Что эти черты имѣются въ виду и здѣсь во пророчественномъ символѣ, доказываетъ воззваніе къ символическому звѣрю: *востани и яждь плоти многи*. И такъ характеръ второй деспотіи есть алчность, стремленіе подавлять своею внѣшнею силою, и вмѣстѣ склонность къ чувственнымъ наслажденіямъ. Дѣйствительно, такой характеръ проявился уже въ самомъ Кирѣ, котораго завоеванія происходили ни изъ стремленія къ героической славѣ, которое дѣйствовало въ Александрѣ Великомъ, ни изъ нетерпѣнія непокорныхъ двигавшаго Навуходоносора; особенно же его преемники отличались безотчетною алчностію къ завоеваніямъ и стремленіямъ все подавить своею матеріальною силою. Доказательство сему—ужасы при покореніи, или, лучше, подавленіи Египта, устремленіе подавить своею тяжестію вольнолюбивыхъ Грековъ. Наконецъ роскошествовать — это извѣстная черта Персовъ (*).

(*) Нѣкоторые изъ толкователей значеніе символа именно тѣмъ изъясняютъ, что Персы были грубы въ своихъ наслажденіяхъ: такъ Рав. *Svadia* и *Rahsce* говорятъ, что „Персы, какъ грубые и плотяные, не худо приравниваются къ медвѣдямъ; они также ѣдятъ и пьютъ на подобіе медвѣдей.“ Подобно изъ ясняютъ *Aben-esra*, *Pererius*, *Fernandius* и *Corn. a lapide*, *Bochard*. Иные еще (Coel. Rhodig. lib. XIX Var. lect c. 19), замѣчаютъ, что символъ медвѣдя есть выразительный символъ Персіи и по обилію въ этой странѣ медвѣдей.

И на странѣ единой ста (*) «онъ стоялъ на сторонѣ.» Разсматривая порядокъ символическаго видѣнія, мы не можемъ не примѣчать, что это выраженіе: *на странѣ единой ста*, соотвѣтствуетъ выраженію о третьемъ царствѣ: *созади сего видѣхъ*,— то есть, то и другое обозначаютъ положеніе символическихъ звѣрей и взаимное ихъ отношеніе. Если же такъ, то за видѣніемъ перваго символическаго звѣря, увидѣть уже стоящимъ въ одной сторонѣ другаго звѣря—значитъ увидѣть другое царство уже возникающимъ на извѣстной (или опредѣленной) сторонѣ. И такъ сообразный съ пророческою рѣчью и представленіемъ смыслъ изъясняемаго выраженія будетъ тотъ: Пророку при Валтасарѣ уже дается видѣть, что съ извѣстной стороны уже поднимается новое преобладаніе Мидо-Персидское.— *И три ребра* (или клыка) *во устѣхъ его среди зубовъ его: и сице глаголаху ему: во тани, яждь плоти многи.* Персидское царство, съ показаннымъ выше характеромъ своимъ, здѣсь точнѣе и раздѣльнѣе опредѣляется какъ въ составныхъ и

(*) *И на сторонѣ единой ста.* По чтенію въ нѣкоторыхъ спискахъ: *et dominatum unum exevit.* Но неудобоприложимость этого чтенія къ символическому звѣрю и также чтенія въ переводахъ Вульгата, Сирскомъ, Арабскомъ, согласныя съ общепринятымъ Еврейскимъ и съ чтеніемъ 70-ти толковниковъ, утверждаютъ вѣрность этого послѣдняго чтенія: *на странѣ единой ста.* Симъ означается, по мнѣнію нѣкоторыхъ, то, что владычество сего Царства должно было ограничиться наконецъ одною страною Персіею (какъ Ѳеодоритъ), или то, что слѣдуетъ ему только взять для преобладанія надъ всѣмъ одну страну—Халдею (такъ Бл. Іеронимъ).

орудныхъ своихъ частяхъ: *три ребра (клыка) во устьхъ его*, такъ и въ самомъ дѣйствіи: *яждь плоти многи*. Послѣднее уже выше раскрыто, при изъясненіи характера этого царства. А три ребра или клыка, представляющіеся здѣсь и какъ преобладающіе составы и какъ орудія символическаго звѣря, указываютъ конечно на три главныя составныя части царства, каковы и были въ Персидскомъ царствѣ: Мидія, Персія, Вавилонія. Въ общемъ составѣ этихъ странъ и народовъ Персидская монархія, дѣйствительно, является какъ алчный, подавляющій всѣхъ, медвѣдь съ тремя клыками во рту. По свидѣтельству Аполлинарія и Евдоксія (*), подобное толкованіе было и у древнихъ,—съ того разностію, что вмѣсто главнаго Персидскаго народа брались во вниманіе или Египтяне, или Ассиріяне,—несообразность очевидная.

Общій смыслъ пророчествъ о второмъ царствѣ таковъ: за настоящимъ Вавилонскимъ преобладаніемъ надъ наслѣдниками Царства Божія, достигнетъ подобнаго преобладанія новое, уже возникающее, въ извѣстной сторонѣ, владычество (Мидо-Персидское), алчное къ завоеваніямъ и готовое всѣхъ подавить тяжестію и силою своего трехчастнаго состава.

Созади сего видѣхъ: и се звѣрь инъ, аки рысь и пр. *Созади сего:* за Персидскимъ царствомъ, низложеннымъ побѣдоносною силою Божіева Цар-

(*) Свидѣтельства изъ вышеупомянутой книги Маіи.

ства, слѣдуетъ новое владычество, посягающее на его права. Символъ *рыси* или барса, судя по предыдущимъ символамъ, выражаетъ характеръ третьяго царства, то есть (какъ уже извѣстно намъ) Александровой Греческой монархіи. Характеристическія черты барса (*) столь противоположныя тяжелому свойству медвѣдя, суть легкость, быстрота, хитрость, лютость; по самой внѣшности онъ прекрасенъ своей пестротой и пріятнымъ запахомъ, привлекающимъ къ нему на жертву его лютости и другихъ животныхъ, по свидѣтельству Аристотеля (Probl. Sect. 23, qn. 4); по замѣчанію того же Аристотеля и Плинія (l. x. Nat. Hijt. c. 37 et l. IX, 17), онъ страстенъ, и весьма легко можетъ быть упоенъ виномъ. Нельзя не подивиться точности и выразительности этого пророчественнаго образа: владычество Александрово превозмогало надъ другими не тяжелою силою и массою, подобно Персамъ, но напротивъ стремительностію, оборотливостію, рѣшительными противъ враговъ мѣрами; Греки своею живостію, людскостію, привлекательными идеями упрочивали за собою и нравственную власть надъ сынами востока, и наконецъ лично самъ Александръ, идеалъ этихъ Греческихъ доблестей, подверженъ былъ извѣстнымъ слабостямъ—сластолюбію и невоздержанію. Словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ это былъ *барсъ*,—стремительный, рѣшительный, хитрый, привлекательный и страстный.

(*) Барсъ и не великъ.

Крила четыре птичія надъ нимъ, или (на спинѣ его) и *четыре главы звѣрю*. Равное число крыльевъ и главъ дало поводъ нѣкоторымъ принимать оба символа въ одномъ и томъ же значеніи (Calmet на пр.). Но въ такомъ случаѣ, за чѣмъ два символа? Впрочемъ четыре крыла и четыре главы звѣря толкуютъ вообще различные различно: кто разумѣетъ здѣсь четыре страны свѣта, покорныя Александру, и четыре царства, вышедшія изъ состава его монархіи (Ѳеодоритъ), кто четырехъ первыхъ вождей у Александра (Каймет), кто подпадшихъ Ѳилинамъ прежнихъ властителей—Мидянъ, Вавилонянъ, Египтянъ и Персовъ (Полихроній). Чтобы не развлечься этими разными взглядами и не рѣшить дѣла личнымъ произволомъ, какъ это замѣчается въ разныхъ взглядахъ разныхъ толкователей, нужно вникнуть въ самыя черты пророчественнаго символа. *Крила птичія* суть орудія полета и выражаютъ собою легость, быстроту; слѣд. четыре птичьи крыла у звѣря должны означать, по отношенію къ третьему царству, тѣ четыре составныя его части и силы, съ которыми и посредствомъ которыхъ это владычество быстрымъ полетомъ простерлось на весь міръ. У Александра дѣйствительно было четыре такихъ крыла: это сосредоточившіе около себя всѣхъ Грековъ и сами сосредоточенные въ монархіи Александровой—Аѳиняне, Спартанцы, Ѳивяне и Македоняне. Они оспаривали другъ у друга первенство въ Греціи и всѣ четыре устремились къ одной цѣли, ставъ точно крыльями для Александра. Такой

смыслъ даютъ самыя черты пророчественнаго символа и со всею точностію оправдываютъ событія! *Главы* царства, по прямому своему значенію, суть власти царства, и слѣдовательно четыре главы третьяго царства, суть четыре правительственныя въ немъ лица, или, что̀ тоже, это есть — четырех-начальственное раздѣленіе настоящаго царства. У Александра, дѣйствительно, были и четыре главные отдѣла монархіи (*), и четверо главныхъ вождей, отъ чего послѣ него и раздѣлилась монархія на четыре отдѣльныя владычества — въ Македоніи (Антипатръ или Филиппъ Аридей), въ Азіи (Антигонъ), въ Сиріи (Селевкъ) и въ Египтѣ (Птоломей); четырех-частное раздѣленіе Греческой монархіи разумѣетъ здѣсь святый Ипполитъ, Блаженный Ѳеодоритъ и другіе; точность пророчества, строго держащаяся всѣхъ чертъ символа, требуетъ того, чтобы разумѣть это четырех-начальственное раздѣленіе, еще въ единствѣ монархіи бывшее, а не послѣдующее за Александромъ распаденіе монархіи.

И власть дадеся ему· Греческая Александрова монархія простирала на всѣ почти извѣстныя тогда страны власть не только гражданскую, но и нравственную, — власть Греческихъ воззрѣній и идей.

Общій смыслъ пророчествъ: за Персидскимъ царствомъ будетъ посягать на права грядущаго Царства

(*) О нихъ свидѣтельствуютъ Діодоръ Сицилійскій, Адріанъ, Курцій, Іосифъ, Плутархъ, Іустинъ.

Божія властелинъ стремительный, страстный и пр., быстрымъ полетомъ четырехъ народныхъ силъ имѣвшій облетѣть весь почти міръ и владычество свое раздѣлить между четырьмя своими вождями и на четыре отдѣла. На немъ будетъ лежать печать властительства и гражданскаго и нравственнаго (*).

Особенно подробно и обстоятельно раскрывается въ символическомъ видѣніи и въ его истолкованіи четвертое царство. Это, какъ уже дознано нами, Сиро-Египетское царство, то есть, владычество Селевкидовъ и Птоломеевъ, на сколько оно простиралось на сыновъ и наслѣдниковъ грядущаго Божіяго Царства. Такое значеніе настоящаго пророчества принимали учители благочестія первыхъ вѣковъ христіанства, какъ свидѣтельствуетъ Блаженный Θеодоритъ; такое толкованіе находимъ и у слѣдующихъ, однако древнихъ же Греческихъ учителей, какъ-то: Полихронія и иныхъ (см. Collectio vet, Script Maji). Но многіе усиливаются и въ этомъ пророчествѣ, какъ въ предыдущемъ откровеніи о четырехъ царствахъ, подъ четвертымъ царствомъ найти Римскую имперію, представляя продолженіе ея до открытія Царства славы. Мнѣніе, опровергаемое и исторіею и точнымъ смысломъ самаго про-

---

(*) Говоримъ: *властелинъ*, въ смыслѣ синонимическомъ съ словомъ: *Царство*. Въ самомъ пророчествѣ царства разсматриваются въ своихъ царяхъ, какъ то ясно здѣсь въ видѣніи четырехъ царствъ и въ параллельномъ прежнемъ откровеніи о четырехъ царствахъ; Греческая же монархія и держалась вся на одномъ властелинѣ.

рочества! Не останавливаясь на параллельности настоящаго пророчества съ прежде даннымъ откровеніемъ и также съ откровеніями VIII и XI главъ, поставимъ на видъ доказательства нашего изъясненія, находящіяся въ самомъ настоящемъ пророчествѣ, и опровергнемъ возраженія противъ него, какія заимствуютъ изъ настоящаго пророчества. Возражаютъ, противъ нашего изъясненія о Сиро-Египетскомъ владычествѣ изъ настоящаго пророчества, во 1-хъ, то, что Сирійское и Египетское царства уже должны войти въ составъ третьяго царства, и въ символѣ показаны *въ четырехъ крилахъ и главахъ* звѣря. Но четыре крыла и четыре главы имѣютъ со всѣмъ иной смыслъ, основанный на прямомъ значеніи этихъ символическихъ предметовъ, и притомъ крылья и головы, въ символическомъ видѣніи, находятся въ единствѣ третьей монархіи. Слѣдовательно, изъяснять ихъ о четырехъ послѣдующихъ за Александровой монархіей царствахъ значитъ поступать и противъ указаній символа и противъ показаній исторіи, въ которой осуществился пророчественный символъ. Четыре крыла звѣря даютъ прямую мысль о четырехъ народныхъ силахъ побѣдоноснаго и властительнаго третьяго царства; эти четыре народныя силы, дѣйствительно, и были въ составѣ Александровой монархіи; съ ними Александръ быстрымъ полетомъ побѣдоносно облетѣлъ міръ (это, какъ сказано, — Македоняне, Ѳиване, Аѳиняне, Спартанцы). Четыре главы звѣря знаменующаго Еллинское Александрово царство, указы-

ваютъ на четырех-правительственныя отдѣленія одной и той же монархіи.

Точный смыслъ пророчествъ, если допускаетъ разумѣть здѣсь раздѣленіе Александровой монархіи по смерти его, то никакъ не далѣе того времени, когда четыре главные полководца его только располагали раздѣлить между собою царство и когда это царство держалось еще въ единствѣ именемъ и памятью Александра: далѣе вышелъ уже *не одинъ звѣрь четырех-главый*..... (*).

Во 2-хъ, говорятъ, что послѣ Александра востало царство не съ десятью рогами или царями, оно распалось только на четыре царства. Но у Пророка имѣется въ виду собственно не внѣшне-политическая судьба царствъ, а отношеніе ихъ къ грядущему Царству Божію, отношеніе враждебной несовмѣстности съ нимъ и пораженія отъ него. Слѣдовательно, была бы съ пророческой точки зрѣнія несообразность—выставлять на видъ чисто политическіе перевороты, послѣдовавшіе въ мірѣ за Александромъ; Пророку свойственно было бы развѣ одно только въ отношеніи къ четыремъ послѣдующимъ за Александромъ царствомъ—воззрѣть и указать на это четырех-частное раздѣленіе, какъ на *сокрушеніе* Еллинскаго царства; это и сдѣлано въ болѣе обстоятельномъ пророчественномъ откровеніи

(*) Если въ XI-й главѣ указывается на четыре царства, послѣдующія за смертію Александра, то здѣсь въ раздѣленіи Еллинскаго царства представляются *не главы* онаго, а *сокрушеніе* самаго царства (ст. 4).

XI гл. Напротивъ преобладаніе надъ сынами грядущаго благодатнаго Царства—наслѣдниками обѣтованій его, послѣ Александра, дѣйствительно, принадлежало десяти царямъ Сиро-Египетскимъ и за тѣмъ самому лютому гонителю Божія Царства, Антіоху Епифану. Именно, на это свойственно было воззрѣть Пророку съ его точки зрѣнія; прямо на это, послѣ Александровой монархіи, у него и указывается въ символическомъ видѣніи. Преобладаніе Селевкидовъ и Птоломеевъ, и еще прежде нихъ Антигона съ сыномъ, составляло, по отношенію къ наслѣдникамъ обѣтованій, единое смѣшенное владычество. Именно такимъ, то есть, многорогимъ звѣремъ, оно и представлено въ пророчествѣ (*).

Въ 3-хъ, *Святые Вышняго* съ гибелью хульнаго рога, или по представленному толкованію, Антіоха Епифана,—не получили еще вѣчнаго царства. Чтобы усвоить силу этому возраженію, нужно также требовать, чтобы и три предыдущія царства продолжили свое существованіе до открытія Царства

(*) Симъ, замѣтимъ, предупреждается новое возраженіе: почему два царства Селевкидовъ и Египтянъ представляются въ одномъ символическомъ звѣрѣ? Съ чисто политической точки зрѣнія, это были дѣйствительно два царственные звѣря, а по отношенію къ церкви, какъ именно созерцаетъ Пророкъ земныя царства,—это одинъ многорогій звѣрь. Была бы въ пророческой точки зрѣнія несообразность раздвоять преобладаніе Селевкидовъ и Птоломеевъ на два царства: ибо преобладаніе надъ Іудеями постоянно мѣнялось между ними, а иногда было совокупное.

Божія; ибо они обнажены отъ власти, по образу пророческаго представленія, уже съ открытіемъ Божія Царства, и даже послѣ гибели хульнаго рога, и даже еще, обнаженныя отъ власти, они не поражены смертію (см. 12, сл. 9 — 11). Если же этого допустить нельзя (что̀ очевидно): то необходимо, чтобы такой образъ представленія пророческаго, и въ семъ пророчествѣ какъ въ предыдущемъ, —означалъ не совокупное пораженіе всѣхъ царствъ открывшимся уже Божіимъ Царствомъ Святыхъ, но только пораженіе всѣхъ ихъ силою этого грядущаго за ними царства; и слѣдовательно, какъ пораженіе ихъ должно быть послѣдовательное одного за другимъ, такъ и открытіе царства Святыхъ должно быть уже послѣ всѣхъ ихъ. Это и прямо сказано въ истолкованіи видѣнія: *четыре царства востанутъ на земли. Яже возмутся и преймутъ Царство Святые Вышняго* (ст. 17. 18). Въ символѣ видѣнія все это, имѣющее совершиться послѣдовательно и преемственно, изображается на одной картинѣ; ибо всѣ четыре царства враждебны Царству Божію, и одинаково низлагаются силою его, —и отъ этого произошелъ такой образъ представленія: выходятъ звѣри, и становятся одинъ за другимъ, —потомъ всѣ низлагаются силою Царства Божія. Слѣдовательно, возраженіе не имѣетъ рѣшительно никакой силы. Святые Божіе должны пріять царство уже по сокрушеніи четвертаго царственнаго звѣря: такъ и было на самомъ дѣлѣ, —Царство Божіе открылось на землѣ уже послѣ паденія четвертаго преобладанія надъ Іудеями.

Въ 4-хъ, не на царство благодати, а на открытіе царства славы—указываетъ изображенный здѣсь страшный судъ и явленіе Сына человѣческаго съ *покорностію Ему всѣческихъ*. Слѣдовательно, и послѣдній предъ симъ врагъ Царства Божія есть Антихристъ, а не Антіохъ Епифанъ. — Это дѣло требуетъ изслѣдованія. Царство Святыхъ, открытое Христомъ, въ своемъ существѣ и силѣ есть царство не отъ міра сего, царство будущей вѣчной жизни и славы, имѣющей раскрыться уже послѣ страшнаго всемірнаго суда, а въ мірѣ семъ только предначинаемый въ упованіи по дару благодати; вѣрующіе имѣютъ *животъ свой сокровенъ со Христомъ въ Богѣ*, Который ихъ, по Апостолу, *уже воскреси и спосади на небесныхъ во Христѣ Іисусѣ* (см. Еф. 2, 6.);—въ сообщности вѣрующихъ со Христомъ, одушевляющимъ ихъ святымъ своимъ человѣколюбіемъ, у нихъ *жительство на небесѣхъ* (*Фил. 3 гл.*). Таково, въ своемъ сокровенномъ существѣ и силѣ, царство благодати; и вотъ эта самая его сила и есть побѣдоносна надъ всѣмъ міромъ, низлагая все враждебное. Теперь, что̀ касается Пророка, онъ поставленъ на такую стражу, чтобы созерцать Божіе Царство, низлагающее извѣстныя четыре царства и само грядущее за ними; другими словами, чтобы созерцать Царство Святыхъ — именно въ самой силѣ его побѣдоносной надъ міромъ. И такъ, торжество и слава Царства Божія представляются въ пророчествѣ слѣдующими за четырьмя царствами не въ томъ смыслѣ, что Царство Божіе тутъ же и должно открыться во всей

своей славѣ и побѣдоносной силѣ, но въ томъ, что Пророкъ, указывая на грядущее за ними Царство Божіе, раскрываетъ самую эту его силу. У него какъ бы такая была пророчественная рѣчь: «послѣ четырехъ царствъ явится на землѣ Царство Небесное, Царство Благодати Божіей,—такое царство, которое собственно есть царство вѣчности и славы, имѣющей открыться со всемірнымъ судомъ и низложеніемъ отъ царя благодати всѣхъ враждебныхъ царствъ». По такому смыслу пророчества о Царствѣ Божіемъ необходимо разумѣть подъ всѣми четырьмя царствами такія государства, которыя должны предшествовать царству благодати или первому пришествію Христову. Послѣднее изъ такихъ царствъ, бывшихъ во враждебномъ столкновеніи съ наслѣдниками Царства Божія, было именно Сиро-Египетское владычество. Съ другой стороны тотъ же самый смыслъ пророчественнаго изображенія *Царства Святыхъ* показываетъ, что эти четыре извѣстныя царства берутся у Пророка, какъ представители вообще всѣхъ враждебныхъ державѣ Божіей царствъ; ибо у него раскрывается въ пророчествѣ сила сего—побѣдоносная вообще надъ всѣмъ враждебнымъ, но раскрывается такою относительно или по поводу враждебности четырехъ извѣстныхъ царствъ. Потому же и послѣдній лютый царь четвертаго царства, этотъ хульный рогъ, указывая собственно на Епифана, въ лицѣ его представляетъ мрачный образъ и послѣдняго, имѣющаго сосредоточить въ себѣ всю мірскую Боговраждебность, страшнаго врага Царства Божія—Антихриста. Эта

мысль, кромѣ существа самаго дѣла, подтверждается сильными и рѣзкими чертами, какими изобразитъ здѣсь хульный рогъ, и тѣмъ отчасти таинственнымъ обликомъ, въ какомъ (какъ увидимъ) представляется здѣсь этотъ хульникъ.

Чрезъ такое разрѣшеніе возраженій, уже вполнѣ доказывается и утверждается изъясненіе четвертаго царства о Сиро-Египетскомъ преобладаніи надъ Израилемъ. Прямымъ же доказательствомъ на это изъясненіе служитъ для насъ то, что изъясняющіе о Римской имперіи, усильно и напрасно натягиваются выдти изъ противорѣчія исторіи, которая паденіе Римской имперіи поставляетъ внѣ связи и съ первымъ пришествіемъ Христовымъ и со вторымъ Его пришествіемъ, и по произволу, гадательно стараются насчитать десять царствъ, вышедшихъ изъ Римской имперіи; —а между тѣмъ послѣ Александра, дѣйствительно, преобладаютъ надъ Израилемъ десять царей иноземнаго владычества, послѣ которыхъ, дѣйствительно, является самый лютый врагъ церкви,—гонитель святыхъ, побѣдитель трехъ царей и пр. Очевидно, что *здѣсь*—точная и ясная, какъ свѣтъ, истина, а *тамъ* — произвольныя, къ дѣлу нейдущія, гаданія. Впрочемъ, допустивъ неточность въ изъясненіи перваго пророчества о четвертомъ царствѣ, по неволѣ уже натягиваются такимъ же образомъ потемнить настоящее, уже слишкомъ на этотъ разъ свѣтлое, пророчество. Но раскроемъ смыслъ пророчества о четвертомъ царствѣ въ подробностяхъ, соображаясь съ исторіею.

Созади сего видѣхъ и се звѣрь четвертый

страшенъ и ужасенъ и крѣпокъ изліха, зубы его желѣзни великіи, ядый и истончевая, останки же ногами своими попираше, той же различаяся изліха паче всѣхъ звѣрей прежнихъ: и роговъ десять ему (ст. 7). Это, по изъясненію Ангела, значитъ слѣдующее: *звѣрь четвертый—царство четвертое будетъ на земли, еже превзыдетъ вся царства, и поястъ всю землю, и попретъ ю и посѣчетъ. И десять роговъ его, десять царей востанутъ* (ст. 23 и 24). Разрушительный, ненавистный характеръ Сиро-Египетскаго владычества уже мы указывали; самыя имена Филопаторовъ, Филадельфовъ составляютъ жестокую иронію на убійцъ родителей и братьевъ; Сирійская и Египетская державы были сильнѣйшія изъ четырехъ, возникшихъ послѣ Александра, и своею враждебностію противъ церкви, простиравшеюся даже до стремленія насильственно подавить истинную вѣру и замѣнить ее въ самомъ Израилѣ язычествомъ, превзыде вся царства. Самое начало этихъ державъ сопровождалось разрушительнымъ потрясеніемъ всего востока: ибо Селевкъ Никаторъ, основатель царства Селевкидовъ, былъ сначала областнымъ правителемъ Вавилона и воевалъ съ Антигономъ, которому досталась по раздѣлу Азія; послѣ побѣды надъ Антигономъ началась жестокая борьба между Селевкомъ и Птоломеемъ Лагомъ. Впослѣдствіи Антіохъ Великій простиралъ завоеванія свои съ одной стороны до Египта, съ другой до Вавилона и далѣе, и вступилъ въ союзъ съ царемъ Македонскимъ. Антіохъ Епифанъ владѣлъ и за

Евфратскими странами и преобладалъ надъ Египтомъ. Если взять во вниманіе, что востокъ былъ въ то время еще главнымъ открытымъ поприщемъ переворотовъ и движеній политическихъ, какъ теперь Европа, то понятно, почему разрушительныя дѣйствія четвертаго владычества представляются столь обширными: *поястъ всю землю, и попретъ ю и посчетъ*. Дѣйствительно въ постоянныхъ войнахъ и взаимныхъ козняхъ Селевкидовъ и Птоломеевъ, и особенно во время Епифана, пролито крови человѣческой не менѣе, если еще не болѣе, чѣмъ при завоеваніяхъ Александра или Кира. Впрочемъ въ этомъ изображеніи гибельнаго владычества, простирающагося на всю землю, видны усиленныя, рѣзкія черты, чрезвычайнаго, прозираемаго въ образѣ Епифана, преобладанія надъ міромъ Антихриста. Антихристіанскія черты, предъявляемыя въ Селевкидахъ и Птоломеяхъ, были въ первыхъ своекорыстная положительность, дѣлающая и изъ религіи только средство для своего внѣшне-мірскаго усиленія и возвышенія (*), а въ послѣднихъ праздная и безплодная, только самоуслаждающаяся любовь къ знаніямъ, ставящая Божеское и человѣческое въ уровень и безразличія для себя (**).

(*) Эта черта выразилась особенно въ Антіохѣ Епифанѣ, усиливавшемся для твердости и единства своего владычества обратить и Іудеевъ въ общую со всѣми другими народами религію—язычества.

(**) Птоломеи постараясь въ свою александрійскую библіотеку пріобрѣсть Еллинскій переводъ книгъ Слова Божія, поставя

И роговъ десять ему. . и десять роговъ его— десять царей востанутъ. Подъ десятью царями одни изъ толкователей разумѣютъ преимущественно Птоломеевъ, другіе же—однихъ Селевкидовъ: число тѣхъ и другихъ, съ прибавленіемъ къ нимъ Антигона съ сыномъ можетъ быть доведено до десяти, впрочемъ съ нѣкоторой принужденностью и безъ строгой точности. Впрочемъ ошибка или недосмотръ тѣхъ и другихъ толкователей состоитъ въ томъ, что, во 1-хъ, болѣе по произволу, чѣмъ съ основаніемъ, разумѣютъ они или Птоломеевъ или однихъ Селевкидовъ, а во 2-хъ, исчисляютъ царей Сирійскихъ или Египетскихъ собственно по отношенію ихъ къ своимъ царствамъ, какъ будто Пророкъ имѣлъ въ виду раскрыть не болѣе какъ внѣшне-политическую судьбу той или другой царственной династіи. Пророкъ смотритъ на земныя царства по отношенію къ Царству Божію, и слѣдовательно царей четвертаго царства обозначаетъ по отношенію къ тому же Божію Царству. Посему намъ нужно исчислить царей собственно тѣхъ, которые послѣ Александра до Антіоха Епифана преобладали надъ наслѣдниками и чадами обѣтованнаго царства,—къ какой бы династіи ни принадлежали эти цари, къ Селевкидской или Птоломеевской. Если такъ будемъ изъяснять, то наше изъясненіе будетъ и не произвольное, и вмѣстѣ самое точное и простое.

и эти книги, такъ сказать, на одну доску съ книгами языческой миѳологіи

Послѣ Александра Великаго Сирія и Финикія достались было Антигону, но его власть ничѣмъ не умѣла проявить себя въ отношеніи къ Іудеямъ. Первый, давшій Іудеи почувствовать свои тиранскія притязанія, былъ Птоломей Лаговъ; онъ вошелъ въ Іерусалимъ, овладѣлъ имъ и отвелъ въ плѣнъ множество Іудеевъ. Въ совмѣстничество съ нимъ входитъ *другой* царь Селевкъ Никаторъ, такъ что Іудеи по перемѣнно должны были платить дань обоимъ спорющимъ царямъ. При дальнѣйшихъ внутреннихъ неустройствахъ въ царствѣ Сирійскомъ обладалъ Іудеями сначала спокойно *третій* царь Птоломей Филадельфъ. Но съ нимъ опять совмѣстничаетъ Сирійскій царь Антіохъ Теосъ, *четвертый* въ числѣ преобладавшихъ надъ Іудеей; власть надъ нею колебалась между враждующими Птоломеемъ Филадельфомъ и Антіохомъ Теосомъ, а послѣ него съ сыномъ и преемникомъ его Селевкомъ Каллиникомъ,—это уже *пятый* преобладатель. Птоломей Евергетъ лишилъ Каллиника не только Сиріи, но и большей части Азіи, и такимъ образомъ Іудею утвердилъ за собою: *шестой* рогъ четвертаго звѣря. Послѣ Евергета власть надъ Іудеею перешла къ его преемнику Птоломею Филопатору, —*седьмому* царственному рогу. Но пользуясь безпечностію Птоломея Филопатора, воинственный Антіохъ Великій отнимаетъ у него Іудею—*восьмой* царь. Преемникъ Филопатора, Птоломей Епифанъ чрезъ своего военачальника занимаетъ Іерусалимъ, и послѣ разныхъ переворотовъ воинскаго счастія, самъ Антіохъ Великій отдаетъ за Птоломея Епифана дочь

свою, предоставляя вмѣсто вѣна—Сирію, Финикію, Палестину. Это *девятый* рогъ лютаго звѣря.—Сынъ и преемникъ Антіоховъ, Селевкъ Филопаторъ успѣлъ удержать въ зависимости своей Іудею, хотя бы-то она должна поступить по брачному договору къ Птоломею,—*десятый* рогъ. Этотъ послѣдній былъ родной братъ Антіоха Епифана. И такъ, вотъ какое точное пророчество заключается въ 7-й главѣ! Если смотрѣть на него прямо и просто съ точки зрѣнія самаго Пророка, то и смыслъ пророчества становится ясенъ и исторія точно намѣренно располагается по предначертанію сего пророчества. Сверхъ того, представленное изъясненіе смысла этого пророчества, въ соображеніи съ исторіею, подтверждается пророчествомъ XI-й главы, гдѣ уже обстоятельно указаны тѣ же самые десять царей, эти персты ногъ скудельно-желѣзныхъ!

Разсмотрѣхъ въ розѣхъ его, и се рогъ другій малъ взыде среди ихъ и тріе рози предніи его исторгнушася отъ лица его (ст. 8). По толкованію Ангельскому: *и по нихъ востанетъ другій, иже превзыдетъ злобами всѣхъ прежнихъ, и три цари смиритъ* (ст. 24). Въ слѣдъ за десятымъ преобладателемъ Іудеи, дѣйствительно, восходитъ на престолъ самый страшный ея тиранъ Антіохъ Епифанъ.—Онъ дѣйствительно смиряетъ или низлагаетъ *трехъ царей:* такъ, коварствомъ онъ погубилъ своего брата и предшественника Селевка Филопатора,—также устранилъ отъ престола сына его, прямаго наслѣдника Димитрія,—и наконецъ кознями и счастливою войною не только устранилъ отъ вла-

сти надъ Палестиною и Келесиріею, но почти лишилъ самаго Египта—Птоломея Филопатора, которому, по праву, должна была принадлежать Іудея и Келесирія какъ самими Селевками уступленная Птоломеямъ въ брачное вѣно за его матерью.

И се очи, яко очи человѣчи, въ розѣ томъ и уста глаголюща велика. Первая черта неуяснена въ истолкованіи, подобно какъ и въ предыдущемъ откровеніи понятныя, или только временемъ уясняемыя, черты символа оставались безъ пророчественнаго истолкованія Что же это значитъ: *очи, яко очи человѣчи въ розѣ томъ?* Если взять во вниманіе, что выше (4 ст. 1) въ Вавилонскомъ царствѣ видъ и разумность человѣка означали усвоеніе деспотіи Вавилонской, характера разумнаго, достойнаго человѣчества: то съ такимъ пророческимъ представленіемъ и слововыраженіемъ будетъ сообразно слѣдующее толкованіе *очей яко человѣческихъ*— этой черты символическаго рога, взятой также съ человѣка. *Очи человѣка*—это самая выразительная часть человѣческаго вида; въ нихъ человѣческая разумность всего свѣтлѣе можетъ сіять. Но у рога были не на самомъ дѣлѣ человѣческія очи, но только *яко человѣчи*, то есть, имѣли видъ, личину человѣческихъ глазъ, а въ самомъ дѣлѣ были глаза звѣрскіе. Слѣдовательно, и значеніе ихъ должно быть то, что царь, знаменуемый хульнымъ рогомъ, будетъ имѣть одну наружность, одну личину человѣческой разумности, человѣческой кротости и пр., — будучи на дѣлѣ самымъ лютымъ и звѣрскимъ подавителемъ правъ человѣчества. Такъ,

блаженный Ѳеодоритъ понимаетъ *очи яко человѣчи:* «чрезъ эти *очи* указывается на тотъ смыслъ и лукавство, пользуясь которымъ, онъ многихъ обманетъ». Въ самомъ дѣлѣ, Епифанъ былъ главною виною гибели своего брата царя Селевка, но умѣлъ это сдѣлать такъ, что казался сторонникъ злодѣйству; надъ отравленіемъ Селевка потрудился Иліодоръ, собиратель податей. Равно, тотъ же Антіохъ Епифанъ своего племянника устранилъ отъ престола, подъ личиною его опекуна. Также и Египетскаго царя стремился лишить всего, подъ видомъ покровительства ему. Самая тираннія его надъ *Святыми Вышняго* прикрывалась политической разумной идеей утвердить царство на религіи и крѣпче соединить подданныхъ единствомъ религіи. —И вотъ, такимъ образомъ, *очи, яко очи человѣчи въ розь томъ!*

И уста глаголюща великая, то есть «горделиво.» Такая мысль раскрыта въ истолкованіи: *и словеса на Вышняго возглаголетъ, и Святыхъ Вышняго смиритъ, и помыслитъ применити времена и законъ* (ст. 25). Это есть сокращеніе самой исторіи Антіохова преобладанія надъ Іудеею. Такъ точно пророчество! Когда Антіохъ Епифанъ предписывалъ всѣмъ подданнымъ своимъ всеобщую религію, которой самъ не вѣрилъ (ибо онъ, по пророчеству XI гл., признавалъ за божество только мужество или собственную дерзость), когда послѣ свѣтлыхъ еще удостовѣреній въ Божественной силѣ, осѣняющей Іерусалимъ и храмъ, онъ излилъ всю антихристову ярость свою на этотъ

святый городъ и храмъ: то явно, что онъ поднялъ гордую свою выю противъ Самаго Всевышняго. Въ его дѣйствіяхъ противъ Іудеевъ замѣчается издавна и ругательство надъ святыней, самое злобное нетерпѣніе вѣры въ Іегову. О томъ, какъ онъ смирялъ святыхъ Вышняго, и говорить излишне, когда онъ самъ лично въ три дни избилъ 40,000 Іудеевъ, и столько же продалъ, — и когда потомъ, послѣ разныхъ жестокихъ и кровопролитныхъ насилій, исповѣдники вѣры были предаваемы мученіямъ, и самое имя Іудея запрещено. Ненависть къ истинной вѣрѣ простиралась до того въ этомъ мучителѣ, что не только храмъ былъ наполненъ языческими мерзостями и не было ни жертвъ, ни праздниковъ церковныхъ, но самыя книги священныя были истребляемы огнемъ.

Время мучительствъ и гоненій этого царя такъ опредѣляется въ истолкованіи Ангела: и *дается въ руку его даже до времени, временъ и полувремени*, то есть «и они (святые съ своимъ закономъ и священными временами) отданы будутъ въ руки его на время, времена и полувремена». Взявъ во вниманіе, что тоже слово jad, *время*, какое здѣсь употреблено, употребляется въ книгѣ Даніила въ значеніи года (это въ предреченіи скотоподобнаго состоянія Навуходоносора на 7 лѣтъ). — Можемъ съ нѣкоторыми такъ опредѣлять пророчественное изчисленіе времени: *время*—это есть одинъ годъ, *времена* — это должно быть, первое за единицей, множественное число, если только дѣйствительно съ понятною точностію

обозначается здѣсь теченіе времени, слѣд. симъ указывается на два года;—*полвремени* — полгода. И того выходитъ три года съ половиною. Такъ опредѣляется пророчественное изчисленіе и у Блаженнаго Ѳеодорита. Также у Святаго Ипполита: «это значитъ три года съ половиною (*). Въ самой книгѣ пророческой есть подтвержденіе этому. Такъ въ VIII гл. о времени насилія надъ святыми, какъ можно примѣтить, того же самаго врага (ибо черты одинѣ и тѣ же), говорится, что оно простирается на 2,300 утровь и вечеровъ, то есть, на 1,150 сутокъ. Это число дней почти равное тремъ годамъ съ половиною (1,167 дней). Равно въ XII главѣ, синонимическое изчисленіе: *время, времена и полвремени*,—число 1,190 дней (ст. 11, ст. 7)—есть число опять обнимающее не съ большимъ три года съ половиною. Наконецъ въ цитованномъ мѣстѣ Апокалипсиса, равное *времени, временамъ и полвремени*, продолженіе времени обозначаетъ число 1,160 дней; это есть самое, только ровнымъ числомъ взятое, число сутокъ трехлѣтія съ полугодомъ.—И такъ, по соображеніи всего этого, пророческое изчисленіе обнимаетъ около трехъ лѣтъ съ половиною. Если обратимся къ исторіи Антіоха Епифана, то найдемъ точное исполненіе пророчества и относительно времени. Въ храмѣ «стояла мерзость запустѣнія» равно три года, такъ что въ какой день мѣсяца былъ поставленъ въ

(*) Это свидѣтельство, какъ и Ѳеодоритово выше, взято изъ не разъ уже цитованной нами книги Мар.

храмѣ идолъ, въ тотъ же день чрезъ три года храмъ былъ очищенъ (1 Мак. 1, 59. гл. 54. 111, 52.). Но прежде идольскаго жертвоприношенія въ храмѣ, по крайней мѣрѣ около полугода должно было пройти, въ предварительныхъ мѣрахъ жестокости и козней, отъ обнародованія указа Антіохова до открытія въ храмѣ языческаго Богослуженія. — (гл 1 Мак. 41, 59 ст.). По такимъ антихристовымъ чертамъ и дѣламъ Антіоха Епифана не опустимъ изъ вида отображенія въ эго лицѣ послѣдняго величайшаго врага церкви — антихриста (*). При сличеніи этого пророчества о четырехъ царствахъ міра сего, съ предыдущимъ откровеніемъ о тѣхъ же четырехъ царствахъ, не можемъ не признать, что хотя въ томъ и другомъ сущность дѣла одна и та же, но послѣднее несравненно обстоятельнѣе и опредѣленнѣе перваго. Самый ха-

---

(*) Замѣчательны мысли святаго Ефрема объ Антихристѣ, почерпнутыя, какъ легко примѣтить, изъ описанія хульнаго рога въ Даніиловой книгѣ—„Онъ приметъ видъ истиннаго пастыря, чтобы обольстить овецъ стада. Придетъ притворно благоговѣйнымъ, смиреннымъ, кроткимъ.. И скоро утвердится царство его и во гнѣвѣ поразитъ онъ трехъ царей. Потомъ чрезъ мѣру возносется сердцемъ и изрыгнетъ горечь свою. Этотъ змій.... смятетъ всетленную... осквернитъ многія души... своимъ нечестіемъ, стараясь весь родъ смертныхъ ввергнуть въ пучину нечестія„ и пр. Мнѣніе отцевъ даже и преобладаніе Антихриста опредѣляетъ на три года съ половиною. Таинственная печать Даніилова предсказанія, въ лицѣ Антіоха Епифана на Антихриста, конечно, разрѣшится со всѣми же событіями, подобно какъ событія же оправдали и уяснили до подробностей все это пророчество о четырехъ царствахъ—въ прямомъ и буквальномъ

рактеръ каждаго изъ четырехъ царствъ здѣсь обозначается съ поразительною точностію не только по отношенію къ власти каждаго изъ нихъ, но главнымъ образомъ по *духу* каждой деспотіи, на который настоящимъ пророчествомъ обращается особенное вниманіе вѣры; составъ и дѣйствіе каждаго изъ царствъ обозначены также опредѣленно; въ пророчествѣ о четвертомъ царствѣ раскрывается до подробностей общая мысль прежняго пророчества о томъ же царствѣ во 2-й главѣ; власть Сиро-Египетскихъ преобладателей и обстоятельства Антіоха Епифана разочтены какъ бы исторически. Словомъ: на открытомъ для церкви бурномъ морѣ опредѣленно обозначены его подводныя пучины и камни, какіе должны были встрѣтиться на предлежащемъ, столь не схожемъ съ древнею ѳеократіею, плаваніи ковчега церковнаго. Но въ этомъ еще одна половина видѣнія; здѣсь дается Пророку и чрезъ него церкви руководство на начинающееся съ Валтасаромъ *особенно-темное* время церкви. Посмотримъ, какой спасительный свѣтъ открывается здѣсь къ озаренію и оживленію вѣры въ обѣтованное Царство Божіе.

Грядущее за указанными четырьмя царствами Божіе Царство такъ изображается въ видѣніи Пророка: *зряхъ дондеже престоли поставишася и Ветхій деньми сѣде, и одежда его бѣла аки снѣгъ, и власы главы Его аки волна чиста, престолъ Его пламень огненный, колесы Его огнь палящъ. Рѣка огненная течаше исходяща предъ Нимъ: тысяща тысящъ служаху Ему и тмы темъ предстояху Ему: су-*

дище сѣде, и книги отверзошася. Видѣхъ тогда отъ гласа словесъ великихъ, еже рогъ оный глаголаше, дондеже убися звѣрь, и погибе, и тѣло его дадеся въ сожженіе огненное. И прочихъ звѣрей преставися власть, и продолженіе житія дадеся имъ до времене и времене. Видѣхъ во сни нощію, и се на облацѣхъ небесныхъ яко Сынъ человѣчъ идый бяше, и даже до Ветхаго деньми дойде, и предъ Него приведеся: и Тому дадеся власть и честь и царство, и вси людіе, племена и языцы Тому поработаютъ: власть Его, власть вѣчная, еже не прейдетъ, и царство Его неразсыплется (ст. 9—14). Такъ какъ это часть видѣнія уже-не символъ, но прямо, хотя по выспренности видѣнія человѣко-образно, указываетъ на сущность дѣла то Ангелу здѣсь нечего было изъяснять, и потому въ Ангельскомъ истолкованіи только сокращено содержаніе видѣнія (26—27). Слѣдовательно, намъ нужно слѣдить откровенія о грядущемъ царствѣ, главнымъ образомъ, въ самомъ видѣніи Пророка. — Въ этомъ видѣніи Царства Божія замѣчаются двѣ стороны. Такъ какъ именно въ этомъ царствѣ содержится рѣшеніе судьбы тѣхъ царствъ, которыя выше были показаны, и которыя взяты въ пророческое созерцаніе, собственно по враждебному отношенію своему къ Царству Божію: то Царство Божіе и раскрывается здѣсь *сначала* по отношенію къ этимъ Боговраждебнымъ царствамъ, и именно представляется побѣдоносными надъ враждебными царствами, — судящимъ и низлагающимъ эти царства (ст. 9—12). А *потомъ*,

оно изображается само по себѣ, въ своихъ внутреннихъ тайнахъ (13 и 14).—Что, впрочемъ, видѣлъ и изобразилъ Пророкъ не два отдѣльныя одно отъ другаго явленія, случайно соединенныя, но двѣ стороны одного и того же грядущаго царства, это видно изъ ангельскаго истолкованія, гдѣ отнятіе власти у царей и царствъ міра сего, представляется въ такой связи съ открытіемъ самаго Царства Святыхъ, въ какой связи находятся отрицательныя и положительныя стороны одного и того же предмета, какъ именно низложеніе зла и торжество добра (ст. 26, 27).

Значеніе той и другой стороны видѣнія, толкователи различно опредѣляютъ, судя по различію взглядовъ на четвертое царство. Изъясняющіе это послѣднее о Сиро-Египетскомъ владычествѣ, подъ судомъ здѣсь изображаемымъ, разумѣютъ собственно судъ Божій надъ четырьмя извѣстными царствами,—ихъ гибель. Прославленіе же Сына человѣческаго относятъ къ первому Христову пришествію.—Принимающіе четвертое царство въ значеніи Римской имперіи, простирающейся, по ихъ мнѣнію, до кончины міра, разумѣютъ здѣсь всемірный судъ и открытіе царства Славы.—Изслѣдуемъ дѣло.

Что подъ *Сыномъ человѣческимъ* разумѣется Сынъ человѣческій въ единственномъ смыслѣ слова—Христосъ, вочеловѣчившійся Сынъ Божій, это очевидно само собою, потому что власть вѣчная и всемірная только этому Единому Сыну человѣческому подобаетъ. Очевидно и то, что Христосъ здѣсь представляется въ такомъ превознесеніи, ког-

да открыто покорена ему вселенная.—Это относится уже къ открытію царства Славы: ибо въ продолженіе царства благодати продолжается низложеніе и покореніе всего подъ ноги Его, пока наконецъ оно откроется въ будущей вѣчной жизни (Евр. 2, 8. 1 Кор. XV, 25—28). Всемірная Слава суда также можетъ вполнѣ приличествовать единому страшному суду. Если обратиться къ подобнымъ мѣстамъ въ этой самой книгѣ, то въ послѣднемъ пророчествѣ за гибелью Антіоха представляется воскресеніе мертвыхъ и вѣчная жизнь, блаженная для однихъ и карательная для другихъ (XII, 23). Въ Новомъ Завѣтѣ второе Христово пришествіе и страшный судъ изображаются такими же чертами, какія видны здѣсь: Судія пріидетъ *во славѣ Отца,—вси Святіи Ангели съ Нимъ,*—грѣшные отсылаются *въ огнь вѣчный*, а праведные идутъ въ жизнь вѣчную. Въ Апокалипсисѣ видѣніе и изображеніе страшнаго суда, очевидно, вполнѣ согласно съ видѣніемъ, какое было открыто и Даніилу (слич. Апок. 20, 11—15). Равно въ Новомъ Завѣтѣ говорится, что уже на всемірномъ судѣ и съ открытіемъ царства Славы преклонится предъ Христомъ всяко колѣно (Рим. 14, 10. 2 Кор. XV, 24). Пророческому (Даніилову) изображенію суда и открытія царства Святыхъ, очевидно, подобно Апостольское изображеніе открытія царства Славы (2 Сол, 1, 5—9). И такъ несомнѣнно, что Пророкъ созерцаетъ Царство Божіе въ такой силѣ, въ какой оно откроется вполнѣ уже въ вѣчной жизни. Какъ же согласить это съ изъясненіемъ четвер-

таго царства о Сиро-Египетскомъ владычествѣ и слѣд. о грядущемъ за нимъ еще въ первое Христово пришествіе Царствѣ Божіемъ? Прежде отчасти уже касались мы этого вопроса. —Существо и сила Христова Царства всегда тѣ же, какія откроются вполнѣ въ будущей жизни. Царство Божіе во Христѣ есть царство любви въ немъ Божіей, съ одной стороны безконечно чуждой и отвращающейся всякаго зла и вражды, а потому противниковъ осуждающей и отвергающей, а съ другой, безконечной, богатой всѣми благами и безконечно милующей и ущедряющей послушныхъ. Оно внутренно всегда таково: въ Самомъ Богѣ таково оно было еще отъ вѣчности въ предопредѣленіи, хотя и имѣло основаться на землѣ въ опредѣленное время перваго пришествія Христова и имѣетъ открыться во всей славѣ уже во второе его пришествіе. И такъ какъ спасающая во Христѣ любовь Божія, сама по себѣ, всегда имѣетъ все, для своего вѣчнаго торжества и всегда потому внутренно готова къ своему открытію въ славѣ: то Самъ Господь еще въ первое Свое пришествіе въ сознаніи и ощущеніи почивающей въ Немъ, однихъ избирающей, а другихъ отвергающей любви Отца, изрекъ: *грядетъ часъ и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія и услышавше оживутъ..... въ воскрешеніе живота..... и въ воскрешеніе суда (Іоан. V, 25—29). отселѣ узрите Сына человѣческаго сѣдяща одесную Силы и грядуща на облацѣхъ небесныхъ*, говорилъ Онъ, стоя Самъ какъ судимый и осуждаемый на Синедріонѣ (Матѳ. XXVI, 64).

Потому же самому и Пророкъ, еще прежде основанія на землѣ царства спасающей Божіей любви и указывая только время будущаго основанія его на землѣ, ощущаетъ и созерцаетъ уже весь свѣтъ и силу этого царства: ибо они всегда въ немъ, составляя самое его существо и всегда дѣйствуютъ на міръ; отъ нихъ и должны были пасть четыре враждебныя царства, указанныя въ кн. Даніила, хотя торжественное откровеніе такого свѣта и силы принадлежитъ еще открытію будущей жизни. То, что̀ открыто проявится еще въ будущемъ, а теперь дѣйствуетъ сокровенно и невидимо въ державѣ Божіей, Пророку дано видѣть уже открыто. Вникнемъ въ подробности.

Зрѣхъ, дондеже престолы поставишася. Престолы, конечно, духовные. Есть небесные духи—*престолы*. По отношенію къ Божеству, конечно, и они здѣсь разумѣются. Кромѣ того, Самъ Спаситель упоминаетъ еще объ иныхъ престолахъ, на которыхъ въ пакибытіе возсядутъ Апостолы: это значитъ право власти и суда, имъ данное. *И Ветхій деньми:* Такъ какъ онъ отличается отъ Сына человѣческаго и отъ Него уже переходитъ всемірное владычество къ Сыну человѣческому: то очевидно, что это есть Богъ Отецъ. Названіе: *Ветхій деньми*, значитъ «старецъ»; такое названіе съ особенною выразительностію идетъ къ Вѣчному. «Ветхимъ деньми, говоритъ Св. Ипполитъ, называетъ Пророкъ не иного, какъ развѣ Господа всяческихъ, Бога и Владыку даже для самаго (относительно человѣчества) Христа,—того, отъ котораго

состарѣваются дни и который Самъ отъ дней времени не старѣетъ». Спрашивается: почему же здѣсь говорится о возсѣдѣніи и страшномъ судѣ Самаго Бога Отца, когда въ Новомъ завѣтѣ страшный судъ приписывается Христу, и притомъ сказано: *Отецъ не судитъ ни кому, но весь судъ даде Сыну.* Но въ Новомъ же завѣтѣ говорится о Христѣ, что Христосъ придетъ во славѣ Отца и что именно Отецъ низлагаетъ подъ ноги своего Сына все враждебное; собственно Слава Отца, сіяющая существенно во Христѣ, низлагаетъ все враждебное ихъ, и наконецъ, рѣшительно покоритъ Ему весь міръ и поразитъ всѣхъ Его враговъ. Поэтому сіяніе Славы Отца, существенно открывающееся именно въ Его Сынѣ (Евр. 1, 3), Пророкъ и созерцаетъ на страшномъ судѣ.

Одежда Его бѣла аки снѣгъ: подобнымъ образомъ открылась во Христѣ Божественная слава въ преображеніи. Слѣдовательно, это означаетъ славу Божію.

Власы главы Его аки волна чиста: бѣлизна власъ въ старцѣ выражаетъ образно мысль ту же, какая выражена и въ имени *Ветхаго деньми*, — мысль о старѣйшей всего временнаго, безначальной вѣчности. *Престолъ Его пламень огненный, колеса Его огнь палящь.* Это—неприступность Божественной державы, пламенѣющей безконечною любовію къ благопокорнымъ (хотя бы эта благопокорность была въ иныхъ еще только прозираема) и гнѣвомъ на упорно-сопротивныхъ, созерцаемая не въ отвлеченіи, но въ самой силѣ своей! «Богъ нашъ,

замѣчаетъ на это мѣсто одинъ древній учитель (Евдоксій), есть огнь поядаяй, просвѣщающій достойныхъ, истребляющій разтлѣнныхъ» (*). «*Престолъ съ колесами:*—по замѣчанію того же учителя,—чрезъ это выражаетъ Пророкъ и неподвижное достоинство и вмѣстѣ указываетъ на быстро-шествующій промыслъ». Колеса престола, можетъ быть, выражаютъ мысль о *грядущемъ* еще Царствѣ Божіемъ.

Рѣка огненная теченіе исходяще предъ нимъ. Такъ какъ въ эту рѣку низвергается далѣе хульный рогъ, — то видно, рѣка огненная то же, что въ Апокалипсисѣ *езеро огненное*, или въ Евангеліи—*геенна, идѣже..... огнь не угасаетъ.*

Тысяще тысящъ служаху Ему и тьмы темъ предстояху ему. Изъ Ветхо-Завѣтнаго и Ново-Завѣтнаго слова Божія извѣстно, что эти непосредственные служители Божіи—Святые духи, Ангелы всѣхъ чиновъ. Представляется здѣсь безчисленное ихъ множество: потому что со всемірнымъ Судіею имѣютъ быть всѣ Св. Ангелы: *и вси святіи Ангели съ Нимъ.* Служеніе ихъ, при страшномъ судѣ, состоитъ въ собраніи праведныхъ и отдѣленіи отъ нихъ злыхъ; извѣстна еще труба Ангельская, воскрешающая мертвыхъ. Словомъ: они явятся служителями всемогущества, правды и благодати Божіей, тогда предъ всѣмъ міромъ торжественно имѣющимъ раскрыться.

(*) Всѣ здѣсь мѣста изъ древнихъ учителей, повторяемъ, цитуются изъ упоминаемой выше книги Мая.

Судище сѣде и книги отверзошася. Съ откровеніемъ суда, должны раскрываться книги такія, которыя имѣютъ отношеніе къ суду. Таковы во 1-хъ, книги Божія закона, по которымъ будемъ судимы,—ихъ разумѣетъ Св. Ефремъ Сиринъ. Только-бы раскрылась вся сила книгъ Слова Божія, — и въ этомъ уже выразились бы приговоры всѣмъ и на все, судя потому, начертаны ли они, или нѣтъ, въ самыхъ сердцахъ человѣческихъ. Далѣе, есть еще книга жизни, упоминаемая въ Апокалипсисѣ, это—совѣты Бога о спасаемыхъ: *позна Господь сущія своя.* (Объ этой книгѣ упоминается у самаго Даніила въ параллельномъ мѣстѣ XII, 1). Сюда же, конечно, относятся книги свидѣтельства *служебныхъ духовъ, посылаемыхъ на служеніе зя хотящихъ наслѣдовати спасенія,* — свидѣтелей всѣхъ нашихъ добродѣтелей и пороковъ. Да и вообще, все въ мірѣ, чѣмъ мы пользуемся ко спасенію или злоупотребляемъ къ погибели, все это, подобно книгамъ, раскроется и будетъ или обличать или оправдывать насъ. Наконецъ, есть книга нашей души — совѣсть, уясняющая со всѣхъ сторонъ: всякое дѣло, слово и помышленіе откроется точно написаннымъ на живыхъ ея страницахъ. Вообще сказать: въ день всеобщаго рѣшительнаго пересмотра и окончательнаго рѣшенія — судьбы міра,—все, все, что теперь ни есть сокровеннаго и запечатлѣннаго касательно насъ и судьбы нашей, тогда раскроется какъ книга съ послѣдними о насъ результатами или съ рѣшительными приговорами.... *Судище сѣде и книги отверзошася* (Подоб. 1 Кор.

4, 5). Апостолъ Павель объясняетъ, что на этомъ страшномъ *судищѣ* «и святые (на сколько они успѣли бы *быть едино съ Господомъ*—Судіею міра) будутъ судить міръ» (1 Кор. VI. 2).

Видѣхъ тогда отъ гласъ словесъ великихъ и проч., т. е. съ подлинника: «смотрѣлъ я тогда, какъ слышалъ голосъ гордыхъ оныхъ словъ, которыя говорилъ рогъ, и увидѣлъ, что рогъ сей убитъ и тѣло сіе брошено на сожженіе огню.» *И прочихъ звѣрей преставиша власть и продолжение житія даде я имъ во время и времене* (ст. 11 и 12). Въ этихъ двухъ стихахъ содержится прямое доказательство на то, что Пророкъ выше раскрывалъ собственно не время и обстоятельства кончины міра и открытія царства славы, по существо и силу грядущаго Божія Царства, всегда въ немъ сокровенныя и на міръ дѣйствующія, хотя имѣющія проявиться вполнѣ, дѣйствительно, уже въ открытіи будущей жизни, на страшномъ судѣ. Этимъ однимъ можетъ быть изъяснено то, что судьба символическихъ звѣрей здѣсь рѣшается Божественнымъ судомъ — свойственнымъ еще настоящей жизни образомъ: ибо символическіе звѣри, какъ сказано въ послѣднемъ стихѣ, еще нейдутъ въ муку вѣчную (а это одно, съ открытіемъ вѣчной жизни, будетъ участію всего чуждаго Божію Царству), но обнажаются только отъ своего значенія и власти и продолжаютъ еще свою жизнь.

Побѣдоносное дѣйствіе Царства Божія надъ знаменуемыми символомъ этихъ звѣрей четырьмя земными царствами, представляется здѣсь въ общемъ

своемъ порядкѣ также, какъ оно представлено въ предыдущемъ откровеніи о тѣхъ же царствахъ. Символическіе звѣри представляются совокупно существующими до явленія побѣдоноснаго надъ ними царства, и этимъ царствомъ сначала низлагается хульный рогъ послѣдняго царства и потомъ уже прочіе царственные звѣри. Гибель четырехъ царствъ такъ и представлена и въ предыдущемъ откровеніи въ символѣ тѣла. Слѣдовательно, и изъясненіе этого пророческаго видѣнія тоже четыре царства, на сколько они были Боговраждебны по своему духу, должны быть низлагаемы послѣдовательно одно за другимъ силою Царства Божія, но вслѣдствіе того, что эта побѣдоносная сила и низложеніе отъ нея четырехъ царствъ созерцаемы были Пророкомъ на единомъ общемъ зрѣлищѣ, порядокъ созерцанія и произошелъ таковъ, что четыре царства, въ своихъ символахъ, представляются существующими до явленія Царства Божія, — потомъ созерцается самое явленіе этого царства, съ судомъ, низлагающимъ всѣ четыре Боговраждебныя царства, начиная съ ближайшаго позднѣйшаго и болѣе виновнаго, и съ раскрытіемъ благодати и славы для святыхъ. — Таковы у св. пророковъ чудныя Божественныя восхищенія — не знающія формъ и условій, ни пространства, ни времени, но чуждыя и тѣни чего либо нестройнаго или внутренней несообразности, напротивъ располагаемыя стройно и строго и даже просто по своимъ внутреннимъ законамъ!

Самое низверженіе послѣдняго врага изъ указанныхъ Пророку и судъ надъ прочими враждебными

царствами различаются между собою по пророческому созерцанію. Первое изображается такъ, что хульный рогъ поражается до смерти и тѣло его предается огню, конечно, той рѣки огненной, которая *течаше исходящи предъ судомъ*. Поелику это рѣка огнь—самой геенны: то гибель послѣдняго враждебнаго царя, антихриста Ветхозавѣтной церкви, является такою, что уже съ самымъ своимъ низложеніемъ онъ есть жертва второй, вѣчной смерти.

Низложеніе же прочихъ царствъ таково, что они лишаются своего царственнаго значенія, но продолжаетъ бытіе. Это, по соображенію съ участію хульнаго рога, указываетъ на такую судьбу сихъ царствъ, что они должны пасть предъ силою грядущаго Царства, но еще не осуждаются на жертву вѣчной смерти; — для остатковъ ихъ спасеніе еще возможно: *до времене и времене*, т. е. до предопредѣленнаго срока, когда уже на вѣки рѣшится судьба всего, на вѣчное спасеніе или на вѣчную гибель. Впрочемъ не нужно терять изъ вида, что во 1-хъ, по отношенію къ симъ царствамъ, представляется побѣдоносное надъ ними Божественное Царство во всей своей побѣдоносной силѣ. Слѣдовательно, и вообще четыре царства суть, у Пророка, представители всѣхъ царствъ, на сколько они Боговраждебны по духу. И во 2-хъ, въ послѣднемъ врагѣ въ конецъ низлагается гордыня и вражда (ст. 26); а эта вражда и гордыня, по началу, принадлежитъ исконному врагу и будетъ продолжаться до кончины міра, когда и будетъ

низложена въ лицѣ антихриста. Слѣдовательно, въ особенности послѣдній враждебный рогъ видѣнія Даніилова своею судьбою указываетъ на судьбу антихриста. И такъ въ пророческомъ зрѣлищѣ суда Божія открывается грозная судьба и всѣхъ послѣдующихъ, враждебныхъ Богу и Его церкви, царствъ и въ особенности антихристова владычества. Они одно за другимъ или другъ съ другомъ будутъ низлагаться, и владычество антихриста прямо поглощается открывшеюся вѣчною смертію Святые отцы, (напр. св. Ефремъ Сир.), дѣйствительно, въ описаніи дѣлъ и судьбы хульнаго рога видятъ точное предображеніе антихриста. Такова сила Царства Божія въ отношеніи къ его врагамъ!

Другая сторона Царства Божія, сіяющая благодатію и славою для вѣрныхъ и святыхъ, изображается у Пророка такъ: *видѣхъ во сни нощію, и се на облацѣхъ небесныхъ яко Сынъ человѣчъ идый бяше, и даже до ветхаго деньми дойде и предъ Него приведеся и тому дадеся власть и честь и царство, и вси людіе, племена и языцы тому поботаютъ: власть Его власть вѣчная, яже не прейдетъ, и царство Его не разсыплется* (13 и 14). Эту сторону видѣнія Даніилъ пересказываетъ далѣе такъ: *пріиде ветхій деньми и судъ (праведную защити) даде святымъ Вышняго: и времяприспѣ, и царство пріяше святіи* (ст. 22). Безплотный истолкователь видѣнія говоритъ о той же его сторонѣ такъ: *царство и власть и величество царей, иже подъ всѣмъ небесемъ, дается святымъ Вышняго: и Царство Его Царство вѣчное и вся вла-*

сти тому работати будуть (ст. 27).—Надо все это сообразить одно съ другимъ.

Сынъ человѣчь—имя, обыкновенно употребляемое и, можно сказать, особенно-любимое Спасителемъ нашимъ, возлюбившимъ человѣка до усвоенія человѣческаго естества въ единство собственнаго лица. Такъ какъ сѣмя и начало человѣческаго естества въ каждомъ человѣкѣ полагается въ самомъ его зачатіи и рожденіи, почему и Сынъ Божій *плоть бысть* или содѣлался человѣкомъ именно въ вышеестественномъ зачатіи и рожденіи своемъ: то мысль о принятіи Имъ истиннаго человѣческаго естества, выразительно обозначается въ названіи Его *Сыномъ человѣческимъ*, т. е. зачатымъ и рожденнымъ отъ человѣка, именно отъ Пресв. Дѣвы Маріи. Пророкъ видитъ *яко Сына человѣческаго:* потому что онъ видитъ не простаго человѣка, но въ человѣчествѣ самаго Бога; сіяющее въ лицѣ Его Божество являетъ въ Немъ не просто Сына человѣческаго, но *яко Сына человѣческаго. Въ подобіи человѣчествѣмъ бысть, и образомъ обрѣтеся якоже человѣкъ*, говоритъ Апостолъ (Филип. II, 7). Впрочемъ не удивительно, если Христова тайна открыта Ветхо-Завѣтному Пророку еще съ нѣкоторою легкою прикровенностію, а не съ совершенною точностію: *Яко Сынъ человѣчь*, а не прямо и точно: *Сынъ человѣчь*. О томъ, что *Сынъ человѣческій* представляется здѣсь въ состояніи превознесенія своего—не только такого, которое выражается въ слѣдующемъ словѣ къ нему Отца небеснаго: *сѣди одесную мене, дондеже поло-*

жу враги твоя (Псал. CIX, 1), но и такого, что всѣ враги уже подъ ногами Его и онъ является во всей силѣ своего царства,—объ этомъ нѣтъ уже нужды распространяться: это видно само собою. «Что значитъ: *даже до Ветхій деньми дойде?*—спрашивалъ св. Кириллъ.—По мѣсту ли это? Но извѣстно, что Божество не ограничивается мѣстомъ. И такъ, что же значатъ сіи слова? Очевидно то, что Христосъ вошелъ въ славу Отца.» Подобно говоритъ и св. Ипполитъ: «Тому дадеся *всякая власть.....Власть Его власть вѣчная:* и такъ Отецъ подчинилъ Сыну—все на небесахъ и на землѣ; во всемъ явилъ его первороднымъ—перворожденнымъ отъ Бога, дабы Онъ, какъ Сынъ Божій, оказался съ Отцемъ выше Ангеловъ, Господомъ Ангеловъ, первороднымъ отъ Дѣвы, дабы явился Возсоздателемъ въ себѣ Адама первозданнаго, первороднымъ изъ мертвыхъ, дабы Онъ былъ начатокъ воскресенія». О восхожденіи самаго Сына человѣческаго (т. е., Христа по собственному Его человѣчеству) въ такую вышемірную высоту, надо сказать: I) что основаніемъ этого служитъ единоличное соединеніе во Христѣ человѣчества съ его Божествомъ: *вся мнѣ предана суть Отцемъ* моимъ, говорилъ еще въ состояніи своего уничиженія Господь, указывая на свое отношеніе къ Отцу, какъ Сына, Ему равнаго или единосущнаго (Мат. XI, 27.—2) что Христово вышемірное превознесеніе, по самому человѣчеству, начало совершаться открыто и торжественно съ самымъ началомъ Его прославленнаго состоянія: *дадеся Ми всяка власть*

на небеси и на земли, говорилъ Воскресшій Спаситель (Мат. XXVIII, 18), и еще прежде какъ Владыка и побѣдитель ада, извелъ Онъ духовъ изъ адской темницы, а послѣ вознесся ко Отцу и возсѣлъ одесную Его;—наконецъ 3) что низложеніе подъ ноги Христа всѣхъ Его враговъ, во всей силѣ и предъ всѣмъ міромъ, откроется, какъ это видѣлъ Пророкъ, уже съ открытіемъ вѣчности: ибо будутъ покорены всѣ Его враги не прежде, какъ и *послѣдній врагъ истребится—смерть*. Но при этомъ требуетъ особеннаго изъясненія то, какъ такое превознесеніе Сына человѣческаго выражаетъ еще и другую мысль о *дарованіи царства святымъ Вышняго*, по ангельскому изъясненію превознесеніе Сына человѣческаго (ст. 27), *о дарованіи суда Святымъ* какъ уже угадывалъ самъ Пророкъ (ст. 22). Господь сталъ *Сыномъ человѣческимъ* не для себя, я для насъ—человѣковъ; поэтому человѣчество Его представляетъ и какъ бы сосредоточиваетъ въ себѣ человѣческій родъ и благодать дѣлъ и состояній Его открыта для общенія въ ней всѣмъ человѣкамъ, разумѣется подъ условіемъ ихъ пріемлемости или вѣры. Слѣдовательно, когда онъ, по пророческому созерцанію, въ самомъ событіи вошелъ въ славу Отца и *дадеся Ему всякая власть*, вмѣстѣ съ сѣденіемъ по самому человѣчеству одесную Отца: то въ этомъ самомъ открылась и для насъ, на сколько мы принимаемъ это вѣрою,—такая благодать, что Отецъ небесный *сущихъ насъ мертвыхъ прегрѣшеньми*, какъ говоритъ Апостолъ, *сооживи Христомъ.....съ нимъ воскреси и спосади*

на небесныхъ во Христѣ Іисусѣ. Начатокъ и упроченіе этого въ насъ совершается въ царствѣ благодати, а открытіе—въ Царствѣ славы: *да явитъ*, продолжаетъ Апостолъ, *въ вѣцѣхъ грядущихъ преизбыточное богатство благодати своея, благостынею на насъ о Христѣ Іисусѣ* (Ефес. 2, 5—7). И такъ прямое, существенное значеніе видѣнія Сына человѣческаго, вошедшаго въ вышемірную славу и получившаго всемірную власть, есть именно то, что *царство.....дается святымъ Вышняго.* Основаніе и цѣль этого царства есть общеніе съ Богомъ и слава Божія во Христѣ: *Сынъ человѣческій. .. .до Ветхаго денми дойде и къ Нему приведеся*, а въ Немъ необходимо приводятся къ Отцу и сопричастники его, т. е. *святые Вышняго.* Характеръ этого царства святыхъ—торжество надъ міромъ и обладаніе всѣми сокровищами Божія владычества въ мірѣ: *и тому дадеся власть и честь и царство* и проч., или, по изъясненію того же, относительно святыхъ: *царство же и власть и величество царей, иже подъ всѣмъ небесемъ, дается святымъ Вышняго.... вся власти Тому работати будутъ.* И въ самомъ дѣлѣ, только бы вѣра наша усвояла и упрочивала за собою человѣколюбивую благодать Сына человѣческаго, въ Себѣ самомъ представляющаго предъ Отцемъ и приводящаго къ нему все человѣческое (разумѣется, кромѣ грѣха, чрезъ который человѣчество ниспадаетъ уже съ высоты своего достоинства и значенія): тогда бы вѣра наша и достигала еще на землѣ того *царства святыхъ Вышняго*, въ кото-

ромъ все человѣческое оживлялось бы, освѣщалось и освящалось Христовою истиною и благодатію. Вотъ почему, Даніилово видѣніе, что *Сынъ человѣчь идыи бяше и даже до Ветхаго деньми дойде и къ Нему приведеся*, выражаетъ по ангельскому изъясненію такую мысль, что *приимутъ царство святіи Вышняго*, что *царство и власть и величество царій, иже подъ всѣмъ небесемъ, дается святымъ Вышняго!* Пророку, сокрушающемуся о преобладаніи надъ вѣрою и церковію Боговрадебнаго духа разныхъ царствъ открыта та святая тайна, что нѣкогда уже Христова истина и благодать завладѣетъ царствами земными и ихъ *царями, иже подъ всѣмъ небесемъ*.

Таково откровеніе, данное Даніилу по потребностямъ собственно чадъ вѣры и церкви.

Сравнивая это откровеніе о грядущемъ царствѣ съ прежде даннымъ и для языковъ откровеніемъ, видимъ тождество ихъ въ главномъ и общемъ значеніи. Но тамъ грядущее Божіе Царство раскрыто съ ясностію въ общихъ только чертахъ, а нѣкоторыя подробности указаны гадательно. Здѣсь же самая тайна этого царства, сущаго не отъ міра и принадлежащаго существенно вѣчности, но долженствующаго раскрываться чрезъ вѣру въ мірѣ семъ и благодатно овладѣть всѣми царствами поднебесными, всѣмъ человѣческимъ, открыта почти такъ, какъ только въ Новомъ Завѣтѣ она открывается. И это даетъ откровенію этому значеніе откровенія особеннаго, даннаго по особеннымъ потребностямъ вѣры. Въ предреченіи о четырехъ царствахъ пред-

указаны всѣ затрудненія и искушенія, предлежащія церкви, всѣ пучины и подводные камни, какіе встрѣчаются ей на житейскомъ морѣ, — а въ откровеніи о самомъ Царствѣ Божіемъ показано прямо, что каково бы ни было положеніе вѣрующихъ въ мірѣ семъ, чего бы ни терпѣли они отъ враждебныхъ царствъ и владыкъ, имъ опасаться нечего. Участь всѣхъ враговъ Божія Царства рѣшена: имъ, упадшимъ чрезъ свою Боговраждебность съ высоты истиннаго человѣчества до духовнаго свѣрства, предлежитъ—рѣка огненная, хотя не всѣ эти звѣри равно, а одни скорѣе и рѣшительнѣе другихъ повергаются въ нее,—и это судя именно по мѣрѣ враждебности ихъ святымъ. Впрочемъ и относительно этихъ духовныхъ звѣрей безпощадная ревность не по разуму устраняется отъ вѣры тѣмъ, что, по откровенію одинъ и самый первый изъ такихъ звѣрей, именно Навуходоносоръ, могъ подняться отъ земли, стать на человѣческія ноги и принять сердце человѣческое (ст. 4). Торжество же Царства Божія надъ всѣми врагами такъ вѣрно и таково по своему существу, какъ непреложно и какова сама по себѣ слава Самаго Бога, въ которую имѣлъ войти Сынъ человѣческій, открывая ее въ себѣ и всѣмъ сообщникамъ своимъ—всѣмъ *святымъ;* но и здѣсь откровеніе остерегаетъ вѣру отъ односторонности, пренебрегающей земнымъ и мірскимъ, представляя, что, на основаніи восхожденія Сына человѣческаго къ Ветхому денми, *царство и власть и величество царей, иже подъ всѣмъ небесьмъ,* назначены *святымъ Вышняго* (ст. 27),

что, слѣдовательно, вѣрѣ предлежитъ подвигъ пріобрѣтать для истины и благодати Сына человѣческаго все человѣческое, весь міръ. Такое-то Божіе Царство, съ такимъ своимъ существомъ и характеромъ, имѣло по Даніилову видѣнію явиться на землѣ послѣ четырехъ враждебныхъ царствъ.

—

Содержаніе послѣднихъ 5-ти главъ книги Даніила не будемъ уже слѣдить съ такою же обстоятельностію, какъ это сдѣлано нами съ первыми 7-ю главами. Нѣтъ уже настоятельной нужды въ томъ. Пророчества VIII-й главы и также XI и XII главъ, подобныя пророчествамъ II-й и VII гл., и содержащія въ себѣ ключъ къ разрѣшенію смысла послѣднихъ, уже не представляютъ въ себѣ ничего особенно затруднительнаго, что̀ не было бы разсмотрѣно нами при изслѣдованіи пророчествъ II и VII главъ. Въ видѣніи VIII гл. предъ духовными очами Пророка явился сначала *овенъ* или баранъ съ двумя рогами, изъ которыхъ одинъ больше другаго и высшій вышелъ послѣ низшаго; овенъ бодалъ во всѣ четыре стороны и никто не могъ устоять противъ него. Это, по изъясненію, данному Пророку св. Архангеломъ Гавріиломъ, изображаетъ царей Мидіи и Персіи. Значеніе частностей понятно само собою: Персы были преобладающіе въ Мидо-Персидскомъ царствѣ, но усилились послѣ Мидовъ;

стремленіе къ завоеванію сначала близкихъ сосѣдей, потомъ Вавилона, Египта, покушенію на Грецію было дѣйствительно боданіемъ сего овна во всѣ стороны. Между тѣмъ какъ Пророкъ смотрѣлъ на овна, выходитъ съ запада *козелъ;* онъ стремителенъ и гнѣвенъ; разсвирѣпѣлъ на овня, ударилъ въ него, сломилъ оба рога его, повергъ его на землю, и топталъ его и никто не могъ спасти его. Это, по Ангельскому изъясненію, царь Греческій. Исторія Александра Великаго очень понятно и выразительно изображена въ этомъ.

«*Козелъ весьма возвысился*,—такъ продолжается ходъ видѣнія Даніилова,—но лишь только онъ усилился, *сломился* у него большой рогъ и выросли вмѣсто его четыре..., отъ одного изъ нихъ вышелъ одинъ рогъ по меньше, который крайне величался... возросъ до небеснаго воинства и низвергнулъ на землю часть этого воинства и звѣздъ,.... и на Вождя воинствъ (т. е. Господа возсталъ, и у Него отнята всегдашняя жертва, и мѣсто святилища *опустѣетъ.... и повержется правда на землѣ* (ст. 8—12).» Это значитъ, говорилъ Гавріилъ Пророку, что «изъ одного народа (монархіи Александра) выйдетъ четыре царства, хотя несъ его силою; а въ концѣ царства ихъ, возстанетъ свирѣпый царь..... и ужасно будетъ губить.... и погубитъ сильныхъ и народъ святый» (ст. 22—24). Пророкъ слышалъ изъ разговора двухъ таинственныхъ лицъ, принадлежащихъ къ духовному міру, что именно 2,300 вечеровъ и утровъ будутъ оставлены безъ принесенія въ храмѣ жертвы (слишкомъ три года). Съ па-

деніемъ Александровой монархіи,—извѣстно, какія четыре царства (*) произошли; извѣстно, изъ какого изъ нихъ (**) и какой именно царь вышелъ особенно враждебной церкви. Отъ неистовства этого царя, именно Антіоха Епифана, запустѣніе храма продолжалось дѣйствительно болѣе, чѣмъ на три лѣта.

Этотъ страшный, возвысившійся до небесъ и уже закрывшій собою козла,—рогъ имѣлъ быть пораженъ, по Даніилову видѣнію, не человѣческою рукою, и въ концѣ всего враждебнаго царства «придетъ конецъ грѣшникамъ (ст. 23) и святыня будетъ безопасна» (ст. 14). Такія двѣ послѣднія черты—безопасность церкви и торжество ея надъ грѣшниками или надъ врагами—указываютъ на царство Христово, которое должно явиться на землѣ — по низложеніи провидѣнныхъ враждебныхъ царствъ. Замѣтимъ, что Антіохъ Епифанъ умеръ, дѣйствительно, не внѣшнею насильственною смертію, а отъ внутреннихъ терзаній и недуга. Поелику же представляемыя въ видѣніи царства берутся и здѣсь во вниманіе, какъ представители вообще грѣшниковъ или враговъ (ибо конецъ послѣдняго царства—есть гибель вообще грѣшниковъ); то не рукою человѣческою сокрушенный гордый рогъ, послѣдній и самый жестокій изъ враждебныхъ царей, указываетъ и здѣсь не на Епифана только, но въ его образѣ—

(*) Сирское, Египетское, Македонское и Оракійское.

(**) Изъ Сирійскаго царства, изъ рода Селевкидовъ произошелъ Антіохъ Епифанъ.

и на того послѣдняго врага, который погибнетъ не естественною земною гибелью: *его же Господь Іисусъ убіетъ духомъ устъ своихъ и упразднитъ явленіемъ пришествія своего* (2 Сол. 28).

Видѣніе это послѣдовало уже на 3-мъ году Валтасарова царствованія, и именно въ удаленіи Пророка отъ двора, въ бытность его въ Сузахъ, что̀ въ Эламской области (ст. 2). Впрочемъ явленіе овна противъ рѣки Евлея, въ Эламской области, имѣетъ пророчественную знаменательность; — оно указывало самую страну, изъ которой готовъ былъ выйти побѣдитель Вавилона Киръ Персидскій. Самый *овенъ* есть символъ Персидскаго царства.

Сравнительно съ двумя предыдущими подобными откровеніями, видѣніе VIII гл. открываетъ новыя подробности темныхъ обстоятельствъ церкви, имѣвшихъ послѣдовать въ наступающее время, какъ-то: нѣкоторыя новыя характеристическія черты двухъ, слѣдующихъ за Вавилонскимъ, преобладаній надъ церковію (Персидскаго и Еллинскаго), которыя представляютъ въ символѣ уже не звѣрей, а домашнихъ животныхъ (овна и козла), чѣмъ давалось вѣрѣ отрадное удостовѣреніе, что эти угрожающія церкви языческія преобладанія, упадающія внутренно до духовнаго звѣрства, будутъ проявлять однако, по возможности, и болѣе кроткія и мягкія черты домашнихъ животныхъ. Это такъ и было со стороны монархій Персидской и Еллинской (Александровской), Птоломеевъ и Селевкидовъ, исключая послѣдняго изъ нихъ—Антіоха Епифана. Далѣе, въ настоящемъ откровеніи обозначено рас-

паденіе Еллинской (Александровой) монархіи на четыре отдѣльныя царства и происхожденіе послѣдняго великаго врага церкви Ветхо-завѣтной — именно отъ одного изъ этихъ послѣднихъ четырехъ царствъ, которыя для того, какъ видно, и изчислены. При томъ въ этомъ пророчествѣ открыто Пророку съ точностію, какія именно враждебныя царства слѣдуютъ за Вавилонскимъ; такъ, царства *Мидо-Персидское* и *Еллинское* прямо названы (ст. 20), съ обезпеченіемъ существенныхъ обстоятельствъ будущей ихъ исторической судьбы. Этимъ внушалось вѣрѣ, что ни что къ ней не можетъ приразиться враждебно безъ прямаго о томъ опредѣленія самаго Всевышняго Царя Израилева. Наконецъ, изъ откровенія VIII главы видно, что силы небесныя, предъ явленіемъ которыхъ не могъ бы устоять изъ людей и такой праведникъ, каковъ Даніилъ (ст. 170, 18), проникнуты участіемъ къ вѣрующимъ, совѣщаясь взаимно (чрезъ озаренія низшихъ высшими) о судьбахъ и искушеніяхъ вѣры (ст. 13 и 14) и движась сами волею нѣкоего *аки образа мужеска*, болѣе удобоприступнаго для человѣческой немощи, нежели кто-либо изъ небесныхъ силъ (ст. 15. 16, ст. 17. 18). Въ этомъ *аки образѣ мужескомъ*, властительномъ надъ самыми Ангелами, вѣрѣ не трудно усмотрѣть того же *яко Сына человѣческаго*, котораго видѣлъ Даніилъ въ предыдущемъ видѣніи, —Христа Господа, величіе Своего Божества для удобоприступности, къ людямъ сокрывшаго въ истощаніи Своего Боговоплощенія. Для вѣры, въ ея тяжкихъ испы-

таніяхъ ни что не можетъ быть столько утѣшительнымъ и ободрительнымъ, какъ живое сознаніе сочувствія и соучастія къ ея трудностямъ міра Ангельскаго, движимаго человѣколюбивымъ духомъ, и волею Богочеловѣка, тогда только еще образуемаго, нынѣ дѣйствительно явившагося для людей.

Вотъ какое откровеніе дано бы церкви предъ самымъ паденіемъ Вавилонской деспотіи!

—

Чтобы не отрывать вниманія нашего отъ ряда сходныхъ между собою (параллельныхъ) пророчествъ о послѣдующихъ Боговраждебныхъ царствахъ, перейдемъ прямо къ пророчеству XI главы (или точнѣе, главъ X—XII, изъ которыхъ X глава представляетъ какъ бы нѣкоторое вступленіе или введеніе, а XII-я заключеніе для исторически — обстоятельнаго пророчества XI главы). Пророчество о *седьминахъ*, содержащееся въ IX главѣ, обозремъ ужъ послѣ.

Пророчество XI главы относится, по времени своего происхожденія, уже къ третьему году царствованія Кира Персидскаго, освободителя Іудеевъ. Это освобожденіе Іудеевъ Киромъ далеко не успокоивало Даніила, вникающаго въ самую сущность вещей и событій. Іудеи, возвращенные Киромъ въ свою родную землю, всё же были въ глазахъ Даніила рабами и жертвою языческихъ преобладаній,

какія и будутъ смѣняться одно-другимъ. Это для тогдашняго ветхозавѣтнаго времени было всё равно, какъ если чада новаго Израиля — христіане, освободясь отъ разныхъ внѣшнихъ или нравственныхъ видовъ рабскаго ига, всё же однако не успѣвали бы по надлежащему узнавать и усвоять истину и благодать Христа Господа, дающаго людямъ свободу дѣтей Самаго Отца небеснаго, а оставались бы съ началами и правилами, на примѣръ, языческими или жидовскими по духу. Вотъ почему Даніилу не шли на мысль, въ продолженіе трехъ недѣль, ни пища, ни питье; даже и торжество пасхальное, приходившееся къ тому времени, не утѣшало его. — Чтожъ ему было открыто по поводу такихъ тяжкихъ недоразумѣній вѣры?

Войдемъ сначала въ самую область видѣнія Даніилова (открывающуюся или изображаемую во вступительной X главѣ). Находясь близь великой рѣки Тигра, Даніилъ послѣ трехнедѣльнаго своего поста увидѣлъ одно, явно свыше-человѣческое, существо. Лицо его было молніевидно, голосъ — какъ голосъ многолюднаго собранія; одежда его была бѣлая, полотняная и все въ немъ блистало то драгоцѣнными каменьями (тѣло его было какъ топазъ), то золотомъ (поясъ одежды), то полированною мѣдью (руки и ноги), то пламенемъ (глаза—лампады горящія). Бывшіе съ Даніиломъ, даже и не видя этого явленія, объяты были непонятнымъ ужасомъ и разбѣжались. Самъ Даніилъ не выносилъ сначала этого явленія: онъ палъ лицемъ на землю (ст. 9), и потомъ поднятый таинственной

рукою, «стоялъ дрожа» (10 и 11 ст.), пока наконецъ не ободрилъ его нѣкто—*аки подобіе Сына человѣческаго* или *яко зракъ человѣчь* (ст. 16 — 19), въ которомъ, по этимъ чертамъ и соображенію съ прежнимъ видѣніемъ *яко Сына человѣческаго*, вѣрѣ можно узнать образное чрезъ когонибудь изъ Ангеловъ же предъявленіе Богочеловѣка, который одинъ, чрезъ свое снисхожденіе и истощаніе, имѣлъ сдѣлать для людей удободоступнымъ всё духовное и Божественное.

Кто же былъ молніевидное существо? Свышечеловѣческое его значеніе очевидно, что̀ уже и замѣтили мы прежде всего. Изъ словъ его самаго о своемъ посланничествѣ (ст. 11) и о помощи, получаемой имъ отъ духовнаго вождя и избраннаго Божія народа *Михаила* (ст. 13 и 21) въ борьбѣ съ духовными же вождями Боговраждебныхъ языковъ (ст. 20 и 13), видно, что это — лице не Божественнаго существа, а изъ духовнаго, ангельскаго міра. Изъ того, что этотъ молніевидный Ангелъ является вѣдающимъ и отстаивающимъ противъ вождей языковъ «начертанное въ книгѣ *истины*» (ст. 21), также и *возвѣщающимъ истину* (XI, 2), видно, что служеніе этого великаго Ангела—разъяснять *истину* и поборать за нее въ нашемъ мірѣ. Такъ на недоумѣніе Даніила, затруднившагося именно отъ углубленія въ самую сущность вещей или въ истину, по сокрушенной его молитвѣ и посту, достойному новозавѣтнаго духа—невѣсты, чувствующей отъятіе у себя Жениха истины (Мар. 11, 20), явился съ словомъ

истины безплотный служитель именно дѣла истины.

По явленіи своемъ, этотъ Ангелъ истины, прежде всего, изъясняетъ Даніилу, что въ духовной области, по дѣлу истины и церкви Божіей идетъ крѣпкая борьба. На своей сторонѣ этотъ безплотный служитель истины указываетъ только безплотнаго и властительнаго охранителя народа Божія, или церкви, Михаила, который помогаетъ служителю дѣла истины; а напротивоборной сторонѣ указываетъ на духовныхъ же вождей Боговраждебнаго язычества, сначала Персидскаго, а потомъ Еллинскаго, которые и борются съ обоими Святыми Ангелами истины и церкви Божіей, усиливаясь задержать ихъ дѣло (ст. 13. 20. 21). Въ такой же противоположности и борьбѣ между собою являются, и во всѣхъ обозрѣнныхъ нами предыдущихъ видѣніяхъ, обѣ эти стороны—сторона Божественнаго *Камня*, *Сына человѣческаго* святыхъ и святыми Вышняго, и другая сторона чудовищнаго *тѣла*, *звѣрей*, домашнихъ животныхъ, или вообще нечестивыхъ враговъ Божіихъ, языческихъ преобладателей надъ церковью. Иначе, а не во взаимно-враждебной противоположности, обѣ эти стороны не могутъ и явиться для духовнаго созерцанія, потому что, на сколько и языки имѣли бы остатки или начатки благодатнаго добра и истины, это ужъ по своему духу и источному началу принадлежитъ сторонѣ истины Божіей; слѣдовательно также столпу и утвержденію истины—церкви Божіей (разумѣется, только по предваряющей благодати). Въ отношеніи къ

этимъ добрымъ остаткамъ или начаткамъ язычниковъ Ап. Павелъ и необиновался сказать язычникамъ, что онъ проповѣдуетъ имъ того же Бога, котораго и они чтутъ, только какъ *невѣдомаго*, при чемъ признавалъ и ихъ, на основаніи ихъ же свидѣтельствъ, еще не чуждыми (не оставившей еще, видно, ихъ совсѣмъ или ужъ предваряющей) благодати быть *родомъ Божіимъ* (Дѣян. XVII, 23. 28. 29). А на сколько язычники были бы разсматриваемы, какъ только область противоборная дѣлу истины и церкви,—то въ этомъ отношеніи они уже, по слову того же Апостола о язычникахъ, *ходили по вѣку міра сего, по князю власти воздушныя, по духу, дѣйствующему въ сынахъ противленія* (Ефес. III, 2). Вотъ какъ бы духовные *князья Персскій* и *Эллинскій*, противоборствующіе безплотнымъ служителямъ дѣла истины и церкви Божіей! Такимъ образомъ настоящее откровеніе уже, по возможности, вводитъ недоумѣвающаго о дѣлѣ истины и церкви Пророка въ ту глубокую истину Новаго Завѣта, что *нѣсть наша брань къ плоти и крови*, или къ тѣмъ или другимъ чувственнымъ личностямъ и народамъ самимъ по себѣ, *но къ началамъ и ко властямъ и къ миродержителямъ тьмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ* (Ефес. VI, 12).

Вѣрѣ, хотя отчасти разумѣющей эту истину, можно уже отчасти мириться съ внѣшними озлобленіями, какъ не касающимися еще существа дѣла истины и церкви и дающими поводы къ побѣдѣ надъ истинными нашими врагами—духовными князья-

ми или началами язычества, при руководительномъ содѣйствіи тому св. Ангеловъ. Можно притомъ той же вѣрѣ и подъ внѣшнимъ преобладаніемъ язычниковъ, относя противленіе ихъ истинѣ и церкви къ дѣйствительному его источнику и началу—къ князьямъ и міродержителямъ духовной тьмы, не терять чувства естественнаго братства и съ язычниками и потому сознавать себя пребывающими въ дому своего Небеснаго Отца на всей благодатной свободѣ. Такимъ образомъ Ангельское объясненіе Даніилу самаго существа дѣла въ борьбѣ между стороною истины и церкви и противоборною этому стороною проливаетъ новый благодатный свѣтъ на прежнія и настоящее пророчества объ отношеніяхъ между церковію и міромъ языческимъ. «Въ «прямой и рѣшительной противоположности и про«тивоборности, съ дѣломъ истины и церкви, какъ бы «такъ было сказано Даніилу Ангеломъ истины, на«ходятся только духовныя начала и князья лжи «язычества (какъ и всякаго другаго вида лжи). Въ «людяхъ же, хотя бы они были и язычники—Персы «или Еллины, есть еще остатки или начатки доб«ра и истины, хранимые, возбуждаемые и развивае«мые безплотными служителями дѣла Божіей ис«тины и церкви, отстаиваемые ими со всею силою «и ревностію Христова человѣколюбія противъ кня«зей лжи языческой, всячески усиливающихся по«давить эти добрые остатки и начатки въ язычникахъ «къ задержанію дѣла истины и къ озлобленію церкви. «Вотъ въ чемъ сила дѣла въ борьбѣ между церко«вію и міромъ языческимъ! *Князь Персскій*, этотъ мі-

«родержитель заблужденія Персидскаго, стремится «подавить въ Персахъ доброе, внушенное имъ исти-«ною, сочувствіе и благорасположеніе ихъ къ Из-«раилю или къ церкви; мнѣ, какъ служителю дѣла «истины, надо разрушить злокозненныя, запуты-«вающія и омрачающія Персовъ, вліянія князя язы-«ческой тьмы на народный ихъ духъ. Въ этомъ и «состоитъ моя борьба съ *Княземъ Персскимъ*, иду-«щая сообразно съ условіями времени, которымъ «подлежатъ люди, находящіеся подъ вліяніями по-«добныхъ началъ лжи (см. 13 ст.). Такая борьба «предстоитъ мнѣ и съ *Княземъ Эллинскимъ* для под-«держанія въ Еллинахъ остатковъ или начатковъ «добра и истины (ст. 26). Блюститель Израиля или «церкви,—какъ столпа и утвержденія истины,—Ар-«хистратигъ безплотныхъ силъ *Михаилъ* есть прямой «и исключительный мой соучастникъ и помощ-«никъ».

Поставивъ Даніила на такой точкѣ воззрѣнія на истину или на сущность дѣла борьбы между ѳеократіею и язычествомъ, безплотный служитель истины, за тѣмъ раскрываетъ предъ Пророкомъ все, касающееся будущаго преобладанія надъ Израилемъ Персовъ и Еллиновъ до Антіоха Епифана включительно. Онъ открываетъ эту тайну будущаго съ такою точностію истины, что въ откровеніи этомъ недостаетъ только развѣ собственныхъ именъ, чтобы оно имѣло точность и ясность историческую. Такимъ и свойственно быть тому откровенію, которое давалось чрезъ нарочитаго изъ безплотныхъ служителя именно дѣла *истины*.

Вотъ образчики этой точности въ пророчествѣ XI главы, слѣдить которое, во всей его полнотѣ, значило бы для насъ прочитать цѣлый періодъ церковной Ветхо-Завѣтной исторіи (а это ужъ выходитъ изъ предѣловъ настоящаго очерка, имѣющаго цѣлію ознакомить читателя съ существенною стороною служенія Даніилова, чтобы все прочее до подробностей уже самъ, если захочетъ изъ любви къ истинѣ, выяснилъ для себя при помощи исторіи и Русскаго перевода (*) книги Даніиловой):

Ст. 2. *И нынѣ истину возвѣщу тебѣ*, такъ началъ небесный Вѣстникъ истины, *се еще тріе цари востанутъ, четвертый же разбогатѣетъ богатствомъ великимъ паче всѣхъ: и по одержаніи богатства своего востанетъ на вся царства Еллинская.* Послѣ Кира, при которомъ дано это откровеніе, на Персидскій престолъ восходили Камбизъ, Смердисъ, Дарій; а четвертый преемникъ Кира былъ Ксерксъ, который, какъ извѣстно, съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ своего изобилія во всемъ и съ огромнымъ войскомъ выступалъ противъ Греціи, хотя и съ страшною неудачею.

Ст. 3 и 4. *И востанетъ царь силенъ, и обладаетъ властію многою, и сотворитъ по воли своей* (будетъ дѣлать, что хочетъ). *И егда станетъ царство его, сокрушится и раздѣлится на четыре вѣтры небесные* «и притомъ не къ его дѣтямъ перейдетъ и не съ его властію, съ какою онъ

(*) Такой переводъ, какъ извѣстно, уже есть у насъ, напечатанный именно въ Православномъ обозрѣніи.

владѣлъ, но царство его останется—другимъ, а не имъ. За Персидскими царями возвысился не только въ Греціи, но и на всемъ востокѣ, Александръ великій; его храбрость и своенравіе, всемірная власть, паденіе его царства по смерти его, и устраненіе его рода отъ власти надъ четырьмя царствами, образовавшимися изъ его монархіи, здѣсь прямо указаны.

Ст. 5. *И укрѣпится царь южный, и отъ князей ихъ единъ укрѣпитъ на-нь и обладаетъ властію многою надъ властію его.*—Царь *южный* есть Египетскій царь, какъ видно изъ 8 ст.; это былъ Птоломей Лаговъ, первый по Александрѣ, преобладатель надъ Іудеями, который и былъ точно особенно силенъ. Но также усилился бывшій сначала областнымъ правителемъ Вавилона, Селевкъ Никаторъ, который превосходствомъ военной силы не безуспѣшно оспаривалъ у Птоломея Іудею, въ общемъ составѣ Сирійскаго царства.

Ст. 6. *А въ послѣдствіи времени. они войдутъ въ связь*, дочь царя южнаго за царя сѣвернаго, чтобы быть имъ въ дружбѣ; но она не удержится въ силѣ, да и его (царя сѣвернаго) могущество не устоитъ, но преданы будутъ и она и сопровождавшіе ее и дѣти ея и помогавшіе ей въ то время».— Такъ съ Еврейкаго: — царство Сирійское лежало, по отношенію къ Египту, болѣе на сѣверъ и потому цари Сирійскіе изъ рода Селевкова могли съ точностію называться сѣверными. И вотъ для прекращенія войны, возникшей вновь

между преемниками сына Лагова и Селевка *Птоломеемъ Филадельфомъ и Антіохомъ Θеосомъ*— за Сирію и уже не минуемо за Іудею, — Филадельфъ отдалъ дочь свою Веренику за Сирійскаго царя, который для этого долженъ былъ развестися съ первою женою, но чрезъ нѣсколько времени первая жена Антіоха умертвила и его самаго и свою совмѣстницу съ ея сыномъ; благопріятствовавшіе этому союзу должны были такъ же погибнуть.—Вотъ и обстоятельства такого рода не опускалъ Ангелъ истины; такъ какъ отъ этихъ обстоятельствъ зависѣло то, кому владѣть Іудеей,—областью церкви. Подобнымъ образомъ въ ст. 27 и 28 не опущено и такое частное обстоятельство, что «*у двухъ царей* (исторія показала, что то былъ Антіохъ Епифанъ и Птоломей Филопагоръ) *на сердцѣ будетъ хитрость и за однимъ столомъ будутъ говорить ложь и успѣха не будетъ* въ переговорахъ, потому что отъ этой неудачи Антіохъ, возвращаясь изъ Египта въ свою землю, излилъ ярость свою на святый завѣтъ», на область церкви, умертвивъ 10,000 Іудеевъ, а 40,000 продавъ въ неволю и ограбивъ храмъ. Чрезъ это внушается вѣрѣ, что судьба ея, и въ страшныхъ озлобленіяхъ, располагается и движется Вседержителемъ. до самыхъ мельчайшихъ своихъ пружинъ.

Довольно сказаннаго нами изъ XI гл. для примѣра: ибо иначе въ этомъ пророчествѣ Даніила нужно было бы намъ, какъ уже замѣтили мы выше, съ обстоятельностію прочитать весь періодъ

исторіи Іудейской—до Антіоха Епифана и особенно во время самаго Антіоха Епифана. Знаменитая у насъ книга исторія Библейская (*) дѣйствительно такъ въ существѣ дѣла и излагаетъ событія этого періода, такъ что Даніилово пророчество является не только источникомъ для исторіи, но отчасти опредѣляетъ и ея планъ на цѣлый періодъ.

О XII главѣ, заключительной для всего пророчества XI главы, мы замѣтимъ вообще, что всего существеннаго, содержащагося въ этой XII главѣ, мы уже касались выше при разсмотрѣніи предыдущихъ (параллельныхъ) пророчествъ. За предуказанными въ XI гл. дѣлами и гибелью послѣдняго враждебнаго Израилю, или церкви Царя, въ которомъ исторія указываетъ именно Антіоха Епифана, въ XII гл. представляется время особенно могущественнаго дѣйствія духовнаго вождя и хранителя Израиля или церкви, Михаила (ст. 1). Это время, съ одной стороны, скорби, и притомъ скорби такой, какой не было *отнелиже языкъ создася, даже до времени онаго*, а въ другое время такого свѣтлаго состоянія Израиля или церкви: *и въ то время спасутся людіе твои вси обретшіися вписани въ книзѣ. И мнози отъ спящихъ въ земнѣй персти, востанутъ сіи въ жизнь вѣчную, а оніи во укоризну и въ стыденіе вѣчное.* Здравомыслящіе тогда будутъ свѣтлы какъ свѣтло небо, и научавшіе многихъ правдѣ будутъ какъ звѣзды во дни

(*) Высокопреосв. митр. Филарета,

вѣка (7—3). Эти свѣтлыя черты предъявляютъ, очевидно, славу Христова Царства. Почему же Царство Христово представлено здѣсь грядущимъ за ниспроверженіемъ Епифана. Это потому, (какъ мы уже видѣли то же при разсмотрѣніи предыдущихъ пророчествъ) что и дано было Пророку провидѣть, послѣ какихъ и сколькихъ враждебниковъ, послѣдовательно появляющихся и низлагаемыхъ, явится Христосъ. Епифанъ былъ послѣднимъ изъ этихъ враговъ Израиля, чадо котораго за тѣмъ и сами начали болѣе и болѣе переходить на враждебную церкви сторону какъ овцы погибшія. Почему Царство Христово представляется какъ Царство воскресенія и будущей жизни? Потому это такъ (какъ и объ этомъ уже была у насъ рѣчь), что съ одной стороны, самая сущность и сила Царства Христова *есть бытіе не отъ міра сего, жительство небесное, сокровенное со Христомъ въ Богѣ*, т. е. жизнь съ благодатнымъ обращеніемъ мысли и сердца во всемъ къ всеобъемлющей любви Отца Небеснаго, почивающей въ Его Сынѣ и чрезъ домостроительство Его воплощенія простирающейся и на грѣшный погибающій міръ, оживляющей и мертвыхъ, отвергающей въ страданіе вѣчное только упорно противящихся; а съ другой стороны, въ этой самой силѣ грядущаго вѣка, Царство Христово всѣ же должно открыться и распространиться въ мірѣ семъ, проводя свой святой свѣтъ къ оживленію духовно-мертвыхъ во всѣ среды міра, такъ чтобы и Царства міра были Царствомъ Господа нашего и Христа Его (Апок. XI, 15). Въ этомъ смы-

слѣ благодать и перваго пришествія Христова имѣетъ силу будущей жизни, которую мы должны усвоять себѣ и упрочивать за собою еще въ настоящей жизни, для благоустроенія и этой послѣдней. Самъ Спаситель силу будущей жизни и воскресенія относилъ къ благодати Своего перваго пришествія: *грядетъ часъ и нынѣ есть*, говорилъ Онъ, *егда мертвіи услышатъ гласъ сына Божія и услышавше оживутъ* (Іоан. V). Впрочемъ все это разбирать съ точностію свойственно уже во свѣтѣ Новаго Завѣта. Что же касается до времени Даніилова и до самаго Даніила,—сколько Даніилъ не устремлялся и ни проникался изъ своего Ветхо-Завѣтнаго времени въ полный свѣтъ Ново-Завѣтной истины, для него до явленія самаго Солнца правды и истины — Христа, все же не доступно было точное разграниченіе между внѣшне-образнымъ предъявленіемъ и самымъ существомъ благодати, равно и между явленіемъ благодати и раскрытіемъ ея въ вѣчную славу. Можно примѣчать, что главная трудность, превышающая Ветхо-Завѣтную вѣру самаго Даніила, состояла въ томъ, какъ озлобленіе церкви, простирающееся до мерзости запустѣнія — самаго святилища, можетъ быть, совмѣстно съ непреложностію и непобѣдимостію благодати. *Что послѣдняя сихъ?*—Такъ спрашивалъ Даніилъ, услышавъ о продолженіи *разсыпанія руки людей освященныхъ* (святаго народа) на три года съ половиною (ст. 7 сл. VII, 25). И услышалъ Пророкъ на свое недоумѣніе уже такой отвѣтъ небеснаго Вѣстника истины: *гряди, Даніиле, яко заграждена словеса... ты же иди и почивай...*

и почіеши и востанеши въ жребій твой, въ скончаніе дней (ст. 8—13). Таковы четыре сходныя (параллельныя) пророчества, которыя, взаимно дополняясь и выясняясь, составляютъ одно общее великое пророчественное откровеніе о тѣсномъ для церкви времени, до явленія Христа. Въ Пророкѣ, чрезъ неоднократное пророчественное озареніе, раскрывалась и возвышалась пріемлемость къ болѣе и болѣе обильному свѣту, который и открываемъ былъ ему, сообразно съ этою пріемлемостію церкви, чрезъ многообразное и многочастное откровеніе, тѣмъ разительнѣе и сильнѣе внушалось, какъ Господь печется о ней: не разъ и не два раскрывалъ Онъ предлежащій ей опасный путь до пришествія Христова. Неужели же Онъ оставитъ ее на этомъ самомъ пути?!

—

Остается еще нетронутымъ у насъ пророчество о седминахъ (IX гл.). Останавливаться много на немъ для насъ излишне и потому, что изслѣдованіе его занимаетъ нарочитое мѣсто въ системахъ Богословскихъ. И потому удовлетворимся не многими о немъ замѣчаніями.

Что въ немъ опредѣляется время до пришествія Христова, это видно а) изъ самой пророчественной книги—изъ этого самаго мѣста и изъ соображенія съ другими пророчествами, и б) изъ свидѣтельствъ

какъ Іудеевъ, такъ и св. писателей Новаго Завѣта.

Соображеніе съ другими пророчествами для насъ тѣмъ важнѣе, что ложные толкователи пророчества о седминахъ главнымъ образомъ основываются на томъ, будто всѣ пророчества Даніила идутъ только до Антіохова времени. Въ четырехъ, разсмотрѣнныхъ нами, пророчествахъ, открывается, какъ мы видѣли, то, чрезъ сколько враждебныхъ церкви царей или царствъ, явится Христово Царство. Въ соотвѣтствіе этимъ пророчествамъ, и въ пророчествѣ IX гл. *о седьминахъ*—разрѣшается вопросъ о томъ, долго ли продолжится опасное странствованіе церкви, долго ли ея безопасность и побѣда не совершится, или, что тоже, чрезъ сколько неблагопріятнаго для церкви времени совершится и откроется побѣдоносная надъ всѣмъ враждебнымъ благодать Христова. Что именно этотъ вопросъ пророчества (IX гл.), это хорошо видно изъ самаго этого пророчества. Пророкъ вошелъ въ недоумѣніе о судьбахъ церкви, потому что, по пророчеству Іереміи, чрезъ 70 лѣтъ должны придти къ церкви добрыя времена ея рѣшительнаго избавленія и торжества надъ врагами; а на дѣлѣ того не было видно. Онъ и молился именно о томъ, чтобы Господь совершилъ благодатное дѣло избавленія церкви отъ озлобленій и враговъ, дѣло очищенія сыновъ церкви отъ грѣховъ (IX ст. 17—19). Самое откровеніе ясно выражаетъ мысль о благодати, ни къ чему другому не приложимую: такъ, указаніе (въ 24 ст.) *на конецъ* и *заглажденіе грѣха*, корня всего

враждебнаго, на *открытіе правды вѣчной*, можетъ быть отнесено единственно къ царству благодати. И такъ, тѣ толкователи, которые предѣломъ седминъ полагаютъ время Антіоха Епифана, во 1-хъ, не хотятъ примѣтить открытаго свѣта этого пророчества, озаряющаго путь церкви до явленія именно благодати, и во 2-хъ, водятся тѣмъ мелкимъ, чистомірскимъ взглядомъ на всѣ Даніиловы пророчества, якобы въ нихъ открыты только внѣшнія, или взятыя чисто въ своей только наружной сторонѣ, обстоятельства и судьбы міра сего. Другія Даніиловы пророчества, на которыхъ они хотѣли бы опереться, только опровергаютъ ихъ. Такъ, показывая, чрезъ сколько враждебныхъ и низлагаемыхъ преобладаній явится наконецъ благодать, Духъ пророчественный и указываетъ на послѣднее, что̀ предшествуетъ явленію благодати, — на гибель Антіоха Епифана, послѣдняго изъ враговъ Ветхо-Завѣтной церкви. Показывая же, чрезъ сколько именно времени явится благодать, исчисляетъ седмины времени необходимаго до самаго явленія благодати. Съ пророческой точки зрѣнія даже не возможно остановиться здѣсь на Антіоховомъ времени; ибо если изчисленіе времени идетъ только до Антіоха Епифана, то пророчественная задача должна остаться не рѣшеною. — Даніилъ не узналъ бы, сколько и именно времени пройдетъ, пока не совершится спасеніе церкви отъ всего враждебнаго.

Обратимся къ свидѣтельствамъ. По яснымъ Мессіанскимъ (къ Мессіи только могущимъ отнестися) чертамъ пророчества, сами Іудеи—Талмудисты не

могли не сознавать, что Даніилъ пророчествуетъ о продолженіи времени до пришествія Христа. Одинъ изъ раввиновъ (Манассій) прямо сознается, что соплеменники его относили это пророчество къ Мессіи, и что эту увѣренность раздѣляли всѣ тѣ Іудеи, которые мятежничали противъ Веспасіана и Тита. Другой—(Мардохей) выражается, что Мессія есть тотъ, ко пришествію котораго приводятъ седмины Даніила. Нѣкоторые изъ раввиновъ утверждаютъ, что Мессія долженъ привести *правду вѣчную*, что онъ самъ есть *правда вѣчная*, святый святыхъ, очевидно, заимствуя эти выраженія изъ пророчества Даніилова.

Въ Новомъ завѣтѣ, Самъ Христосъ, предрекая близкое разрушеніе Іерусалима, говоритъ о реченной Даніиломъ *мерзости запустѣнія*, имѣющей стать *во святилищѣ*. Это взято изъ настоящаго пророчества (ст. 27). Слѣдовательно, пророчество указываетъ и на время послѣдняго разрушенія Іерусалима, бывшаго въ началѣ христіанства. Православная церковь, отъ древнихъ временъ, согласно видитъ въ этомъ пророчествѣ указаніе на время до Христа.

Смыслъ всей пророчественной главы слѣдующій: Даніилъ узналъ изъ книги Пророка Іереміи Божіе опредѣленіе, что плѣнъ Вавилонскій долженъ продолжиться 70 лѣтъ. Наступилъ конецъ этого времени..... Между тѣмъ съ окончаніемъ Вавилонскаго плѣна и у Іереміи и у другихъ пророковъ (особенно у Исаіи) соединены свѣтлыя пророчества съ изображеніемъ Царства Христова, въ которомъ Израиль

восторжествуетъ надъ всѣми врагами, и къ Сіону пойдутъ всѣ языки учиться Боговѣдѣнію..... Дѣйствительность же того времени представляла совсѣмъ иное; самый Духъ пророчественный открывалъ бѣдствія въ образахъ грядущихъ на Израиля *звѣрей* съ страшными рогами. И вотъ, открылось поприще для великаго подвига, и сокрушенія вѣры Пророка; это и выразилось въ его молитвѣ и постѣ. Чѣмъ точнѣе было пророчество о концѣ плѣна, тѣмъ болѣе было затрудненія касательно того: что же значитъ продолженіе озлобленія для вѣры и церкви? когда же откроется благодать, изображенная въ пророчествахъ на одной картинѣ съ концемъ плѣна? Вѣра Пророка искала для себя опоры и просвѣщенія опять въ благодати же, покрывающей и заглаждающей всѣ грѣхи Израиля и ущедряющей Сіонъ всякими благами правды и истины. На такой вопль и подвигъ вѣры,—благодать чрезъ своего безплотнаго служителя Гавріила и отвѣчаетъ настоящимъ откровеніемъ, давая Пророку, съ одной стороны, проразумѣвать хотя отчасти, что озлобленіе правды даже до смерти входитъ въ существенныя условія къ открытію Царства Христова, а съ другой стороны, съ точностію исчисляя время до этого благодатнаго царства. Такъ съ одной стороны въ этомъ откровеніи хотя указаны и радостныя событія—какъ: созиданіе Іерусалима, но и касательно этого событія предречена «*тѣснота обстоятельствъ*», (ст. 25), а затѣмъ, указывается съ «открытіемъ завѣта» благодати *смерть Христа старѣйшины* и окончательное опустошеніе святаго

града и святилища (ст. 26 и 27). Соображая всю эту сторону настоящаго откровенія, можно понять, что какъ бы такъ было сказано Пророку: «съ явленіемъ благодати не должно соединять однѣ свѣтлыя картины счастія, торжества, славы видимаго Іерусалима..... Нѣтъ; предстоятъ тѣсныя обстоятельства и при возстановленіи видимаго Іерусалима, а потомъ благодать, прощающая грѣхи и дарующая правду вѣчную, откроется въ смерти Христа старѣйшины, видимый же Іерусалимъ будетъ осквернѣнъ и разрушенъ.»

Съ другой стороны, для совершенія этихъ событій въ томъ же откровеніи назначается, со времени опредѣленія о возстановленіи Іерусалима послѣ Вавилонскаго плѣна, семдесятъ *седминъ*. Именно: шестьдесятъ девять седминъ до явленія «Христа Владыки» (25 ст.); одна седмина «для открытія многимъ завѣта» благодати (ст. 27), т. е. для служенія Христова съ предварительными, для того же благодатными распоряженіями, къ которымъ относится напр. явленіе и служеніе Іоанна Предтечи. Упоминается въ пророчествѣ еще о *полседминѣ*, въ которую «прекратятся жертвы и приношенія и *во святилищи мерзость запустѣнія будетъ* и наконецъ, рѣшительная гибель прольется въ опустошеніе» (ст. 27). Но такъ-какъ въ этомъ же откровеніи (ст. 26) погибельное запустѣніе града и святилища соединяется съ смертію Христа Владыки (это значитъ, что съ смертію Христовою, по навѣтамъ Іудеевъ, рѣшена была и ихъ участь къ погибели, къ истребленію ихъ города и святилища), а смерть

Христа отнесена въ откровеніи къ семидесятой седминѣ (въ томъ же, ст. 26): то указаніемъ на полседмины означается собственно то, что не вся послѣдняя седмина, а только половина ея назначается для крестоноснаго Христова дѣла, имѣвшаго кончиться Его смертію.—Но что разумѣть подъ *седминами?* Седмины *дней* или *мѣсяцевъ* не могутъ имѣть мѣста по явной невозможности совершиться столь великимъ и многимъ событіямъ (отъ возобновленія Іерусалима (*) до смерти Спасителя) въ продолженіи 490 дней, т. е. одного года съ третью, или въ 490 мѣсяцевъ, т. е. 40 лѣтъ съ небольшимъ.—Седмины *столѣтій* нейдутъ сюда по самой чрезвычайной продолжительности времени, не совмѣстной съ довольно ограниченною суммою событій, предрекаемыхъ съ обстоятельностію въ другихъ пророчествахъ Даніиловыхъ. Остается принять *седмины лѣтъ*. События показали, что, дѣйствительно, спустя 490 лѣтъ съ означеннаго выше срока, открылось на землѣ благодатное Христово царство, и что дѣло Христово, увѣнчанное смертію Его, совершалось въ полседмину лѣтъ, т. е. въ продолженіе трехъ лѣтъ съ половиною.

Такъ точно Даніилу, главѣ тогдашнихъ ученыхъ и мудрыхъ, стремившемуся къ возможно-точному постиженію истины, открыто время открытія Христомъ благодатнаго Его царства.

—

(*) Даніилу въ другихъ откровеніяхъ объяснено, что къ этому же промежутку времени относится явленіе и ниспроверженіе нѣсколькихъ царствъ.